

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

ДЬЯВОЛ
ИЗ САКСОН-УОЛЛ

ПОСПЕШИ, СМЕРТЬ!

Золотой век английского детектива

Глэдис Митчелл

**Дьявол из Саксон-Уолл.
Поспеши, смерть! (сборник)**

«АСТ»

1935, 1937

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Митчелл Г.

Дьявол из Саксон-Уолл. Поспеши, смерть! (сборник) /
Г. Митчелл — «АСТ», 1935, 1937 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-103762-8

Дорога в ад вымощена благими намерениями, и жаль, что миссис Брэдли, рекомендовавшая своему пациенту, знаменитому писателю Ганнибалу Джонсу, отдохнуть в уютной и мирной деревушке Саксон-Уолл, совершенно позабыла это мудрое изречение. Очень скоро в деревушке происходит жестокое убийство. Провинциальная полиция растеряна, суеверные местные обитатели винят во всем происки нечистого, однако не верящая в дьявола миссис Брэдли отправляется в Саксон-Уолл, чтобы лично вывести убийцу на чистую воду... Прославленный археолог сэр Рудри Хопкинсон всегда был эксцентричным человеком, но отправиться со всем своим многочисленным семейством в Грецию, чтобы попытаться раскрыть тайну загадочных Элевсинских мистерий, – это, пожалуй, было слишком даже для него. Миссис Брэдли, снизойдя к мольбам жены сэра Рудри, присоединяется к экспедиции – и скучать ей не придется, ведь именно она обнаруживает человеческую голову, спрятанную в камере, где когда-то держали священных храмовых змей. Случайность? Или намек на мотив убийства?...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-103762-8

© Митчелл Г., 1935, 1937

© АСТ, 1935, 1937

Содержание

Дьявол из Саксон-Уолл	7
Явление первое	7
Глава I	7
Глава II	13
Глава III	15
Явление второе	18
Глава I	18
Глава II	21
Глава III	25
Глава IV	33
Глава V	38
Глава VI	42
Глава VII	46
Глава VIII	48
Глава IX	51
Глава X	55
Глава XI	60
Глава XII	64
Глава XIII	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глэдис Митчелл
Дьявол из Саксон-Уолл. Поспеши, смерть!
Романы

Gladys Mitchell

The Devil at Saxon Wall. Come away, death

© Gladys Mitchell, 1935, 1937

© Перевод. В. Соколов, 2018

© Перевод. М. Левин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Хелен Симпсон

Дьявол из Саксон-Уолл

*«Крепость и красота – одежда ее, и весело
смотрит она в будущее.
Уста свои открывает с мудростью, и кроткое
наставление на языке ее.
Она наблюдает за хозяйством в доме своем и не ест
хлеба праздности.
Встанут дети и ублажают ее – муж, и хвалит ее».*

Книга Притч; 31

Явление первое Жанровая картина

*«Крысиный яд у меня уже приготовлен. Я ничем не рискую:
ее смерть всегда можно приписать джину – от него столько людей
умирает естественной смертью, что меня никто не заподозрит. Но
допустим, меня даже повесят. Ради того, чтобы отравить эту
мерзавку, не обидно и в петлю угодить».*
Джон Гэй. Опера нищего. Акт III, сцена VII

Глава I

*«Вот, например, молодая женщина с истерическим параличом
ног».*
Роберт С. Вудворт. Современные школы психологии

До 1920 года с Хэнли все было порядке. Констанция хорошо это помнила, потому что перемены начались в тот апрельский день, когда муж вернулся с так называемой лондонской конференции. Сам Хэнли говорил об этом мероприятии довольно туманно, но Констанцию это не смущало: она относилась к тем людям, которые додумывают то, что им неизвестно. Констанция решила, что во время войны Хэнли был врачом (потому что никаких других конференций, кроме медицинских, не могла представить), но потом по каким-то причинам оставил свою профессию. По крайней мере, когда они поженились, он уже не практиковал.

В браке Констанция, несомненно, была счастлива: пусть не бурным и головокружительным счастьем, зато спокойным и уверенным, хотя не без легкого смущения, – как и подобало скромной девушке, скоропалительно ставшей замужней дамой.

Была ли она счастливой раньше?... Констанция вспоминала прежнюю жизнь как одну сплошную катастрофу. Даже в младшем классе руководство частной школы, где она училась, не могло придумать для нее никакой награды (а в день окончания учебного года каждому ученику полагалось поощрение), кроме томика стихов Лонгфелло за «хорошие манеры». Но и тут, поднимаясь на сцену за подарком, бедняжка так заспешила, что споткнулась, уронила на пол пакетик с леденцами и, пытаясь удержаться на ногах, порвала колготки. Возвращаясь на свое

место, Констанция бросила на растерянную мать испуганный взгляд, чувствуя себя абсолютно неспособной быть образцом хороших манер.

Она никогда не думала, что выйдет замуж. Даже ее мать, весьма оптимистичная и деятельная женщина, на это не рассчитывала. Глядя на Констанцию, она лишь покачивала головой, говоря себе (без особой горечи, но и без каких-либо иллюзий), что дочь далеко не из тех, кто сумеет устроить свою жизнь.

Мать Констанции любила «пробивных» людей. Она и сама была такая. Неизвестно, что двигало Констанцией: желание противоречить матери или природная пассивность, смешанная с упрямством, – но результат всегда был один. Все, за что бы она ни бралась, заканчивалось провалом, начиная с попытки поступить в частную школу для девочек (в тринадцать лет) и до неудавшегося самоубийства (в двадцать три года).

Во время войны отец Констанции сколотил небольшое состояние, так что с финансовой точки зрения ей не было необходимости зарабатывать себе на жизнь. В двадцать четыре года она отправилась вместе с родителями в Неаполь, поскольку мать услышала, будто в Италии жить гораздо дешевле, чем в Британии. Но вскоре выяснилось, что, попав в Неаполь, невозможно не отправиться в Помпеи, и именно в Помпеях Констанция познакомилась с Хэнли Миддлтоном. Ее мать уныло уселась на обломок древней стены; отец, подцепив какого-то бестолкового, но неотвязного гида, отправился осматривать бордель первого века, а Констанция бесцельно бродила в руинах дома, густо заросшего бурьяном, как вдруг заметила молодого мужчину, стоявшего неподалеку и смотревшего в колодец. Он оглянулся и бросил на нее мрачный взгляд.

– Вы медиум? – спросил мужчина.

Констанция испуганно ответила, что нет.

– Тогда подойдите сюда, – предложил он, – и посмотрите, нет ли кого-нибудь внизу.

Констанция осторожно приблизилась и заглянула внутрь.

– Никого, – произнесла она с облегчением.

Молодой человек начал снимать пиджак и ботинки. Констанция решила, что он хочет покончить с собой, в ужасе вскрикнула и бросилась к матери. Довольная тем, что для нее нашлось что-то интересное в этом невероятно жарком и унылом месте (хотя за вход, как она не преминула сообщить мужу и дочери, требовали непомерно много, учитывая обменный курс), мать поспешила на помощь молодому «камикадзе» и, крепко ухватив его за руку, не отпускала до тех пор, пока он не согласился вернуться с ними в отель.

После обеда молодой человек, которого звали Хэнли Миддлтон, сделал предложение Констанции, и она приняла его, не сказав об этом матери.

В Гэмпшире у Миддлтонов имелся особняк Неот-Хаус. Уехав с Констанцией в Англию, Хэнли зарегистрировал их брак в маленьком бюро в Кенсингтоне и отвез супругу в ее новый дом.

Матери Констанции, в общем, понравилось все, что она там увидела. Зато отец, скрытный и недоверчивый, как все бизнесмены, – и притом не одобрявший этот брак, о чем он прямо говорил, – составил новое завещание с одним важным пунктом, который постарался сделать широко известным публике. В нем говорилось, что в случае его смерти ни один пенни из его весьма внушительного состояния не должен перейти к дочери. Лишь одному человеку (и отнюдь не члену своей семьи) он объяснил причину этого неожиданного решения. По его словам, он хотел щедро обеспечить благосостояние своей дочери, пока он жив. Все распоряжения на сей счет были уже даны. Но поскольку отец подозревал, что муж Констанции склонен больше к убийству, чем к самоубийству, новое завещание было призвано по возможности обеспечить ее безопасность. Жене он этого не сообщил, и мать Констанции не знала, что у него на уме. На зятя ей было наплевать, но она испытывала удовлетворение при мысли, что Констанция, имевшая, как она считала, минимальные шансы выйти замуж, все-таки благополучно

вступила в святилище Гименея. Странная манера Хэнли таращиться в каждый темный угол, словно ожидая увидеть там какую-то призрачную фигуру, и то, как он вежливо отступал в сторону всякий раз, когда открывалась дверь, как бы давая пройти невидимому гостю, казались ей допустимыми причудами, которые она предпочитала не замечать. Также мать старалась не обращать внимания на привычку зятя делать в саду длинную и узкую насыпь из просеянной земли, а потом втыкать в нее палку. Единственное, что действовало ей на нервы, – его затяжное, угрюмое молчание. Она всегда любила активную, шумную деятельность.

Констанция, впрочем, выглядела вполне довольной. Если после отъезда родителей, оставших ее вдвоем с мужем в огромном, окруженном парком старом доме, в душе и шевельнулось нечто похожее на опасение или тревогу, она ничем этого не выдала. Говоря по совести, не считая факта, что ее муж был нелюдимым и целиком погруженным в свои мысли человеком, любившим долгие одинокие прогулки и выдержанное виски (которое, как Констанция вскоре заметила, не оказывало на него никакого действия), она всю наслаждалась своим браком, насколько это позволяли ее скудная душа и ум.

Мать писала ей часто, отец – раз в четыре или пять недель. Письма матери были полны рекомендаций вроде «скажи Хэнли то или скажи это», а отец ограничивался сухими и, по мнению дочери, загадочными просьбами обязательно напомнить Хэнли, что его завещание не изменилось.

Самому Хэнли, похоже, было одинаково безразлично и то и другое. Он проявлял неизменную вежливость к жене и никогда не жаловался на ее кулинарные способности. Раз в месяц ездил на конференцию в Лондон, и когда однажды, после его пятидневного отсутствия, Констанция заметила, что прочитала шесть лондонских газет и ни в одной из них не нашла упоминаний о конференции, муж бросил на нее такой мрачный взгляд, что душа у нее ушла в пятки. Но выражение его лица сразу изменилось. Он улыбнулся и объяснил, что разговоры ученых, собирающихся в узком кругу, не интересуют прессу.

Деревенька Саксон-Уолл, где они поселились, находилась в удаленной части графства Гэмпшир. Это было некрасивое и неряшливое место, и его жители вызывали у Констанции отвращение и страх. Никогда прежде она не видела таких людей. У нее была плохая память на стихи, но каждый раз, когда Констанция сталкивалась с одним из обитателей Саксон-Уолл, ей приходила в голову строчка: «гадкий, низкий, полный лжи». Все как на подбор белобрысые, с грязными всклокоченными волосами, похожими на измочаленные метлы, с узкими хитрыми глазками под нависшими бровями, с низким лбом, с огромными растопыренными ступнями, словно расплюснутыми в тяжелых башмаках, и с длинными ручищами, на которых болтались тяжелые грубые пятерни. Мужчины и женщины были одинаково злобны и тупы, поэтому к ее страху примешивалась брезгливость. Даже дети у них казались маленькими уродцами, а большинство из них, стоило Констанции появиться на улице, бросали в нее камни.

Хэнли только смеялся, когда она жаловалась, насколько ей неприятны эти люди. Сам он не выходил из дома днем, хотя прислуга шепталась о ночных прогулках, после которых хозяин возвращался совершенно без сил и даже не мог стянуть с себя ботинки. Целыми неделями Констанция спала и завтракала в одиночестве, но по каким-то невнятным причинам, в которые она старалась не вдаваться (возможно, поскольку не хотела признаваться себе в том, что все больше боится нелюдимого мужа), никогда не задавала ему вопросов и не пыталась выяснить, почему он оставляет ее одну.

Однажды к ней заглянул местный викарий, пожилой мужчина по фамилии Пуллборо, и попросил открыть осенний благотворительный базар. Но когда Хэнли узнал, что в их доме был священник, он впал в такую ярость, что Констанция, до смерти перепуганная, пообещала больше не принимать викария и не посещать церковных служб. В тот момент она могла пообещать что угодно, потому что Хэнли внезапно бросился на пол и начал колотиться головой о край камина. Констанция долго сидела рядом и прижимала его к себе, умоляя успокоиться.

Так прошло восемнадцать месяцев, и наконец наступило время, когда Констанция стала замечать, что муж изменился. В тот день Хэнли вернулся после очередной «конференции», причем не один, а с женщиной по имени Вильмина Бэрроу. Констанция, понятия не имевшая, что нужно делать в подобных случаях, заказала самые изысканные блюда: мисс Бэрроу объявила себя большой поклонницей испанской кухни и не преминула заметить, что она превосходит английскую.

Когда позднее Констанция вспоминала об этом визите, ей казалось, будто он состоял только из бесконечных отлучек мужа, проводившего долгие часы со своей гостьей (в эти дни он был необычайно дружелюбным, мягким и общительным), и разных странных и зловещих звуков – глухих ударов, вскриков, скрипа половиц, – раздававшихся после наступления темноты. За все это время Хэнли ни разу не ночевал в комнате Констанции.

Мисс Бэрроу уехала через две недели. Она посадила жуткий синяк под глазом, якобы наткнувшись в темноте на старые часы, а потом едва не охромела, налетев бедром на тяжелое ведро с углем. В обоих случаях Констанция не видела, как это произошло. Хэнли никогда не был особо разговорчивым, а после отъезда мисс Бэрроу окончательно ушел в себя. Его и раньше раздражали всякие мелочи, но теперь любая помеха желаниям повергала его в черную меланхолию, которая могла длиться неделями. Хэнли жестоко избивал своих собак и однажды выбросил кошку из окна. Если Констанция попадалась ему на пути, он грубо отталкивал ее, а один раз даже отшвырнул ногой. На робкие попытки жены протестовать отвечал площадной бранью.

Хэнли перестал делать земляные горки в саду и, кажется, начал меньше пить. Но жить с ним было все равно что делить кров с диким и опасным хищником, который может дни напролет проводить в мрачном молчании, а потом вдруг взорваться приступом бешеной ярости, приводившим Констанцию в такой ужас, что она пряталась в своей комнате, ожидая, пока муж успокоится. Странно, что при этом он всегда умел находить слуг. Стоило ему выставить за порог кухарку или горничную, как сразу находились новые. И каждый раз это был кто-то из местных женщин, неизменно преданных Хэнли, зато враждебных к Констанции.

Наконец, измученная и напуганная, она осмелилась пренебречь запретом Хэнли и отправилась за советом к викарию. Тот предложил ей вернуться к родителям. Констанции и самой приходило в голову, что это самый лучший выход. Теперь она не сомневалась, что ее муж безумен.

– Порой мне кажется, будто он сам дьявол, – пожаловалась она со слезами на глазах.

– В смысле, одержим бесом? – уточнил викарий. – Местные жители уже давно пытаются убедить меня в том, что среди них живет дьявол. Даже утверждают, что иногда он являет себя публично. Но, к счастью, я целиком занят своими минойцами, и у меня нет времени на подобную чепуху.

Констанции решила, что для нее у викария тоже нет времени. Вспомнила, что отказала ему в просьбе о базаре, и хотя это не особенно расстроило его, сейчас он явно не собирався вешать на себя ее проблемы. Викарий продемонстрировал это вежливо, однако недвусмысленно, и Констанция, будучи особой более чувствительной, чем можно было ожидать от ребенка с такой матерью, вернулась в Неот-Хаус. К счастью, Хэнли находился в состоянии безмолвия. Он бросил на нее угрюмый взгляд, но промолчал. В ту же ночь она последовала за ним в поселок, чтобы выяснить, куда он ходит и – если получится – чем занимается во время своих полуночных прогулок, которые повторялись теперь чаще. В ее голове мелькала мысль, что если она сумеет предоставить лондонскому доктору конкретные доказательства странностей супруга, то его поместят в клинику и вылечат. Несмотря на грубое обращение, Констанция была полна благожелательности к мужу и объясняла его поведение тем, что его контузило на фронте.

Хэнли прошел мимо темного особняка и углубился в парк. Здесь он принялся ходить зигзагами, следуя какому-то странному и, как ей вначале представлялось, необъяснимому маршруту. Но через несколько минут Констанция поняла, что он просто переходил от вяза к вязу, пропуская остальные деревья и нежно глядя каждый ствол. Когда ее уже стало утомлять это бессмысленное блуждание, Хэнли свернул на юг и покинул парк, перебравшись через стену. Констанция подождала, когда он отойдет подальше, и последовала его примеру. Перелезть через ограду оказалось просто: несколько плит из нее были вынуты и сложены в виде лесенки.

К удивлению Констанции, Хэнли привел ее к церкви, находившейся на другом конце поселка. Пуллборо никогда не запирали ее. Вне себя от волнения и страха, Констанция вошла через южную дверь и остановилась, не решаясь шагнуть в темноту, хотя слышала, как Хэнли спотыкался, поднимаясь по ступеням алтаря. У нее возникло неясное чувство, что следует как-то помешать этому кощунственному вторжению в святое место, но она слишком боялась мужа, чтобы обнаружить свое присутствие. Вскоре в глубокой тишине послышалось невнятное бормотание, словно Хэнли молился, а минуту спустя его неуверенные шаги направились обратно к выходу.

Констанция отступила в сторону и спряталась в складках дверного полога, пока муж не вышел наружу. Тогда она снова последовала за ним. На сей раз он обогнул церковный дворик, словно что-то выискивая среди могил. Наконец наклонился, и Констанция увидела, как на землю упал яркий луч его фонарика. Она подкралась ближе. Свет погас. Хэнли выпрямился и, развернувшись, направился прямо к ней. Констанция, скорчившись под ветками тиса, пропустила его мимо и снова двинулась за ним.

Его путь лежал к единственному домику в поселке, где еще горел свет. Констанция мало знала о местных обитателях и понятия не имела, кто здесь жил. Хэнли толчком открыл маленькие воротца, прошел по дорожке через сад и постучал в дверь. Она сразу открылась и захлопнулась за ним.

Констанция вдруг поняла, что очень устала. Она понимала, что бесполезно пытаться заглянуть в окно, поскольку снаружи его закрывали густые заросли герани.

Констанция села у ворот на мокрую от росы траву и стала ждать Хэнли. Она не сомневалась, что он пришел сюда, чтобы провести ночь с какой-то женщиной, живущей в этом доме, и решила, что, немного отдохнув, вернется в Неот-Хаус и ляжет в постель. Никаких планов на будущее у нее не было. В голове мелькали туманные мысли о разводе, но она не представляла, какие доказательства нужно предъявить для расторжения брака. К тому же полученное воспитание заставляло ее восставать против любого нарушения супружеских обетов, принесенных в те времена, когда она с оптимизмом смотрела в будущее и надеялась на счастливое замужество.

Но Хэнли не дал ей отдохнуть. Вскоре дверь снова отворилась, и он вышел на крыльцо, а вслед ему, словно какой-то грешный дух, завыл женский голос:

– Закопай это во имя Старца, мастер! И ничего не забудь, не то твои труды пропадут даром!

Констанция узнала этот голос. Три дня назад Хэнли поручил ей принять новую горничную, девушку по имени Флюк. Это была ее мать. Она явилась в Неот-Хаус вместе с дочерью и говорила без умолку – гораздо больше, чем сама хозяйка дома. Констанция слышала, что у нее была репутация ведьмы. Ведовство, являвшееся в Лондоне предметом чисто интеллектуального интереса, как в историческом, так и в философском плане, в Саксон-Уолл считалось реальной силой, которую боялись и ненавидели. Констанция решила, что старуха вполне могла быть ведьмой. Иначе откуда брались бы истории про кровавую луну, адских гончих и крылатых змеев?

Женщина рассмеялась, а потом дверь закрылась. Хэнли, неся какой-то груз, прошел совсем рядом с Констанцией, вжавшейся в живую изгородь, и в этот момент ее плеча коснулось что-то легкое, словно на нее упал древесный лист. Она подняла руку и нащупала нечто похожее

на колос. Это был сухой початок кукурузы. Осторожно ощупав его, Констанция выковыряла несколько зернышек и машинально отправила их в рот.

Потом она встала и отправилась за мужем в Неот-Хаус.

Когда они только приехали в Саксон-Уолл, Констанция решила, что комната, расположенная прямо под ее спальней, может стать уютным гнездышком, где она будет читать или вязать, заниматься вышивкой или лепить из глины, чтобы не мозолить глаза мужу, когда тот захочет побыть один. Хэнли понравилась эта идея, и через несколько месяцев две смежные комнатки стали для нее привычным убежищем, где она пряталась от его мрачного молчания или приступов его ярости.

Хэнли стал огибать дом, пока не дошел до ее комнат. Здесь он положил кукурузный сноп на край лужайки и, сопровождаемый Констанцией (которая теперь окончательно убедилась, что муж спятил), сходил в конюшню за фонарем, зажег его и вернулся обратно. Рядом из цветочной клумбы торчала лопата. Вооружившись этим инструментом, он выкопал яму под окном ее спальни, положил в нее сноп и забросал его землей, после чего спокойно отправился в дом, очевидно, чтобы лечь в постель.

Констанция подождала еще четверть часа.

Потом в лихорадочной спешке она откопала сноп, перекрученный и скрепленный булавами так, что из него получилось нечто вроде человеческой фигуры, напоминавшей, как ей показалось, ее собственную. Оставив яму открытой, Констанция распахнула свое окно, бросила в него кукурузу и забралась в комнату через подоконник.

У нее было немного денег. Спалив сноп в камине, она пересчитала свои средства и, несмотря на усталость, пешком отправилась на станцию, решив ни в коем случае не оставаться в этом проклятом месте, а вернуться к родителям и попросить у отца совета насчет докторов для Хэнли. На рассвете доковыляла до станции, два часа прождала поезд и наконец добралась до отцовского дома в Кенсингтоне, где выяснилось, что у нее сильнейшая лихорадка и ей срочно нужна врачебная помощь.

Отец и мать пришли в ужас. Они тщательно ухаживали за дочерью и по фразам, вырвавшимся у нее в бреду, догадались о причинах ее тяжелого состояния и твердо решили, что она не вернется к мужу.

Однако после выздоровления Констанция проявила неожиданное упрямство, заявив, что непременно должна вернуться к мужу. Она провела много времени, размышляя о своем странном поведении: выкапывание кукурузы, сожжение снопа, – и убедила себя в том, что все это ей померещилось. Вот только следы от булавок, впившихся ей в руки, сильно воспалились и никак не заживали.

За это время мать Констанции сделала несколько эпизодических, однако настойчивых попыток выяснить, в какой именно момент с медицинской точки зрения обычные странности пациента начинают считаться психической болезнью.

Лондонский врач, ничего не зная о Хэнли и решив, будто нервная мамаша беспокоится об умственном здоровье своей дочери, поднял планку психопатического расстройства так высоко, что у бедной женщины сложилось убеждение, что только массовое убийство способно убедить доктора в чем-либо безумии. Облегчение, смешанное с отчаянием, заставило ее уступить Констанции, которая вознамерилась вернуться в Саксон-Уолл.

Родители сделали все возможное, чтобы переубедить дочь, но их попытки разбились о ее упрямство. Констанция упорно твердила, что нужна своему мужу. Растерянная мать позволила ей уехать.

– Похоже, он ее заколдовал, – пробормотала она.

Муж буркнул что-то неразборчивое, но в его глазах мелькал страх.

Глава II

*«Чей крик меня понудил с ложа встать,
Страх леденящий в сердце водрузив?»*

Томас Кид. Испанская трагедия. Акт II, сцена V.

В конце месяца, протянув столько времени, сколько позволяла совесть, Констанция вернулась в Неот-Хаус. Она прибыла туда в шесть часов вечера. Поездка на поезде через всю страну и длинный путь от станции до Саксон-Уолл заняли пять с половиной часов, и она чувствовала себя очень уставшей. Констанция понятия не имела, что ждет ее дома. По настоянию матери она трижды писала Хэнли, но тот ни разу не ответил.

– Лучше останься с нами, – твердила мать. – Пусть в Неот-Хаус съездит отец и поговорит с твоим ненормальным мужем. Если бы ты вела себя более осторожно, милая, и не стала бы выходить замуж за первого встречного, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он собирался прыгнуть в колодец, – скольких тревог и печалей мы могли бы избежать! Но теперь поздно об этом жалеть. Я знаю только одно – ты не должна к нему возвращаться. Если совершишь такую глупость, я отказываюсь за что-либо отвечать!

– Я собираюсь уехать к концу месяца, – сухо произнесла Констанция. – Он мой муж, и я должна быть с ним.

– Ты спятила, – покачала головой мать, но в ее голосе было больше страха, чем злости.

Отец предложил поехать вместе с ней, однако Констанция категорически отказалась от его помощи, пообещав вернуться домой, если дела пойдут совсем плохо.

Приблизившись к гостиной, она услышала голоса и смех Хэнли. Он редко смеялся, и этот звук поразил ее. Констанция быстро поднялась по лестнице в свою спальню. Постель была не убрана, словно в ней недавно кто-то спал. Вид смятых простыней и скомканной пижамы не подготовил ее к тому, что она увидела через несколько минут, когда, торопливо прибравшись в комнате, спустилась вниз.

Хэнли сидел, развалившись в кресле, и держа в объятиях полуодетую девушку, черноглазую и белокожую, с мрачно-красивым лицом, – горничную Флюк. На ее молочной шее поблескивало жемчужное ожерелье, которое Констанции подарил отец на восемнадцатилетие.

Констанция застыла в дверях, почувствовав легкое головокружение, но взяла в себя в руки и пробормотала:

– Хэнли, я... я вернулась, дорогой. Что ты хочешь к чаю?

С лица мужа мгновенно исчезло выражение игривости, и оно сразу стало настороженным и хитрым. Он обнажил зубы, хотя и без намека на улыбку, и обратился к сидевшей на его коленях девушке:

– Дилайла, кто-то слышал наш зов. Сходи, принеси чаю, дорогая. Да поживее. – И он столкнул ее на пол, словно она была назойливой собакой.

Констанция подошла ближе и сказала:

– Хэнли, я не хочу чаю. Я лучше подожду. Я думала, это ты пьешь чай. Уже шесть часов вечера или больше.

– Ужина не будет, – усмехнулся он. – В доме нет слуг. Все ушли. Разбежались, как только умерла Констанция. Вряд ли ты помнишь Констанцию. Она была полной дурой. Ни за что не согласился бы жить с ней. Она меня раздражала. Хорошо, что я от нее избавился.

Как он и сказал, в доме не было ни одного слуги. В кухне громоздились горы грязных тарелок, чашек и стаканов, а из кладовой разило сгнившим луком. Подставка для сушки, на которой, судя по всему, разделявали курицу, была заляпана кровью; из кастрюли на плите торчали перья. На полу, усыпанном теми же перьями, валялись пивные бутылки, а на оконной раме висели в ряд куриные гребешки и ножи, крепко приколотенные к дереву.

Констанция машинально принялась за работу. Приведя кухню в относительный порядок, она заварила себе чай, обнаруженный в одном из шкафчиков, выпила чашку и отправилась к старому доктору Кревистеру, который жил в дальнем конце поселка рядом с приходским священником. Тот усадил Констанцию в темно-бордовое кожаное кресло с грубо торчавшим наружу конским волосом и выслушал ее опасения по поводу душевного здоровья мужа. Потом покачал головой.

– Вероятно, это следствие продолжительного стресса, – заметил доктор. – Что вполне может привести к полному безумию, миссис Миддлтон. Вы знаете, что после вашего отъезда в этом доме умер ребенок? Я подозреваю, что его убили.

– Убили? – Констанция попыталась выдавить улыбку. – Вы шутите?

– Ребенок умер, это факт. Совершенно здоровый малыш. Я знаю, потому что сам принимал роды. Хотя мамаша возражала! А уж эта жуткая старуха, его бабка, и подавно! Но я настоял. Даже угрожал полицией. Ни за что не доверил бы ребенка старшей Флюк, тем более если младенца не хочет мать и эта мать – ее собственная дочь. Кстати, ваш муж вне подозрений. Он недавно вернулся домой.

– Но ребенок умер, – тихо произнесла Констанция.

Потом неожиданно она рухнула без чувств.

Доктор, человек добрый и распорядительный, устроил ее на ночь у своих друзей, супружеской пары из соседнего городка Стаухолла, и через два дня Констанция вернулась к родителям. А еще через пару недель к ней, к всеобщему изумлению, явился Хэнли, притащив с собой Марту Флюк.

Констанция никогда не видела его таким мягким и покладистым. Ее родители, ошарашенные и возмущенные свалившимся на них «ménage à trois»¹, не знали, что делать и как справиться с данной ситуацией. Они призывали дочь отстаивать свои права, а когда это не помогло, разыграли мелодраматическую сцену и потребовали подать на развод. Констанция молчала. Она заметила, что, если не считать Марты Флюк, с которой муж не расставался ни на минуту, Хэнли выглядел не менее здоровым, чем она сама. Скорее даже более: пока Констанция чахла и бледнела от тревоги, Хэнли, казалось, наоборот, набирался сил и чувствовал себя лучше, чем в первые дни ее замужества.

Эта странная ситуация тянулась до ноября 1923 года, когда Хэнли неожиданно избавился от Марты Флюк, снова оказавшейся на сносях, и потребовал от жены немедленно вернуться в Неот-Хаус.

Констанция, оскорбленная и испуганная, отказалась. Родители ее поддерживали. Мать чередовала слезные мольбы с суровыми приказами, переходившими в истерические призывы. Вскоре, на вечере в масонском обществе, внезапно умер отец, и после похорон измученная Констанция сдалась, согласившись вернуться с мужем в Неот-Хаус.

Мать умоляла дочь и угрожала Хэнли, но они все равно уехали.

Следующие три с половиной месяца ее жизнь напоминала первые недели после замужества. Хэнли был молчалив, но спокоен, а прислуга под его строгим контролем демонстрировала полное уважение к Констанции.

Сама она жила как во сне. Вставала, ела, делала вид, будто распоряжается по дому или в кухне, и никогда не уходила дальше границы парка или яблоневого сада.

¹ Любовный треугольник (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

В конце третьего месяца Констанция проконсультировалась с доктором Кревистером, и тот подтвердил ее подозрения, что она ждет ребенка.

После их возвращения Хэнли ни разу не покидал дом после наступления темноты. Про Марту Флюк он, похоже, совсем забыл и даже близко не подходил к дому старой ведьмы. Новость о ребенке оставил без комментариев, хотя, по мнению Констанции, это выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Иногда Хэнли с глумливой ноткой в голосе, которая выводила ее из себя, придумывал ей новые имена. Сначала Констанция пыталась делать вид, что ее это устраивает, но, заметив, что ее довольный вид портит ему удовольствие и повергает в мрачность, которая так плохо закончилась в прошлый раз, стала выражать подлинные чувства – горечь и обиду, – и это доставляло Хэнли такую радость, что она продолжала практиковать то же самое уже после того, как привыкла к новым прозвищам.

– Гризельда! – звал и довольно усмехался Хэнли, увидев выражение ее лица. – Терпеливая Гризельда! – продолжал он и только потом, полностью насладившись болью и унижением Констанции, говорил, что ему нужно.

Кроме этой единственной формы жестокости, которую Хэнли позволял себе в это время, было еще нечто такое, что сильно беспокоило Констанцию и что она старалась всеми силами выбросить из головы. Да, она научилась бороться с трудностями, но толку от этого было немного. В Хэнли поселилось какое-то тайное злорадство. Иногда Констанция ловила на его лице выражение странного, почти безумного дьявольского ликования, и оно проступало тем ярче – в этом она не сомневалась, – чем меньше времени оставалось до рождения ребенка. Еще один зловещий факт заключался в цензуре, которую он ввел на всю ее переписку. Хэнли запретил ей писать матери о своей беременности или приглашать ее к ним в дом. Лишившись единственной радости и утешения, Констанция окончательно впала в уныние и с ужасом ждала, что будет дальше. Она сама не понимала, чего боится. Страх вселился в нее и преследовал повсюду. Порой во сне Констанция видела сатанинскую ухмылку Хэнли и вскакивала с диким криком.

Глава III

*«Что касается застывших капель воска, замеченных на платье
обнаруженного в канаве трупа...»*

Томас Де Куинси. Убийство как одно из изящных искусств

В среду в Неот-Хаусе появилась миссис Пайк, а в следующую пятницу у Констанции родился сын. Роды проходили сложно, и доктор Кревистер скромно говорил, что проявил все свое врачебное искусство. В это время он ни разу не видел Хэнли, но уведомил миссис Пайк, что она может позволить ему навестить жену и ребенка, если он захочет.

Получив такое разрешение, Хэнли отправился в спальню, а миссис Пайк решила, что ничто не мешает ей отправиться в кухню и выпить бокал портера, ждавший ее на столе.

Во вторник рано утром Констанция умерла от сепсиса, последовавшего за послеродовой горячкой, и Хэнли безутешно рыдал на плече Марты Флюк, появившейся в его гостиной сразу после того, как доктор Кревистер покинул дом. Доктор был чрезвычайно недоволен Констанцией, которая умудрилась умереть после всех приложенных им усилий, однако недолго сетовал на ее пренебрежение к его профессиональной чести, потому что очень скоро муж миссис Пайк, моряк в отставке, начал жаловаться на сильные боли в брюшной полости (после того, как съел какое-то блюдо, принесенное ему женой из Неот-Хауса), и Кревистеру пришлось его

лечить. На второй день больной почти поправился, но в следующую ночь с ним случился еще более сильный приступ, поэтому миссис Пайк ни свет ни заря отправилась за врачом. Дома она отсутствовала более сорока минут, поскольку доктор Кревистер спал и ему пришлось одеться, да и расстояние между домами было немаленькое. Когда они с доктором вернулись, Пайк бесследно исчез, и единственным свидетельством его нового приступа были только грязные пятна на полу и зловоние, стоявшее в душной спальне.

Попытки найти его, предпринятые местными жителями и доктором Кревистером, были тщетны. Казалось, он исчез с лица земли. Впрочем, эта новость занимала поселок всего три дня, потому что у Хэнли Миддлтона вдруг появились тревожные симптомы наподобие тех, что наблюдались у моряка Пайка, и он скрепя сердце обратился за помощью к доктору Кревистеру. Операция оказалась неудачной, и пациент умер. В протокольных записях засвидетельствовали, что гроб заколотили сразу после того, как Марта Флюк, мертвенно-бледная, с темными кругами вокруг глаз, отдала последний долг покойному. Даже мать Констанции, убитая смертью дочери, отказалась с ним прощаться.

Миссис Пайк, принявшая роды у Констанции, стала кормилицей ее ребенка. На этом перед смертью настояла мать, для которой была невыносима мысль, что кормить ее дитя будет Марта Флюк.

Сыну самой Марты уже исполнилось четыре месяца, но его так и не крестили, несмотря на неоднократные напоминания викария. Марте ставили в пример миссис Пайк, но она лишь смеялась, говоря, что если бы у нее был такой же чахлый и убогий мальчик, как у миссис Пайк, она бы тут же понесла его крестить. Потом она передумала, пообещала принести его в церковь, и вскоре ребенок был крещен.

Через неделю после того, как миссис Пайк начала ухаживать за маленьким Миддлтоном, к викарию явилась старая ведьма миссис Флюк и объявила, что «малыш нашей Марты» умер от коклюша и «так измучился, бедняга», что совсем усох и стал похож на трехнедельного младенца, буквально «словно только что родился».

Возникли слухи, что детей перепутали и отдали не тем матерям, но они вскоре затихли. Зато появились другие, более настойчивые: будто бы Хэнли был младшим из двух братьев-близнецов и еще есть старший, Карсуэлл Миддлтон, который вот-вот заявит свои права на наследство.

Откуда взялась эта новость про близнецов, никто не знал. Похоже, ее пустила в оборот старуха Флюк, но скоро она укоренилась и обросла множеством сторонников. Это было тем более удивительно, что весь поселок знал Хэнли с того самого дня, когда умер его эксцентричный дядя, полагавший, что он император Адриан и что двенадцать шиллингов составляют пенни. Последняя причуда снискала ему особую симпатию у жителей. Именно странности в поведении Хэнли убедили местных, что он самый настоящий Миддлтон, и после его смерти весь Саксон-Уолл притих, ожидая, когда в городок прибудет новый наследник, чтобы объявить незаконнорожденным сына Констанции и зажить привычной для Миддлтонов широкой и разгульной жизнью. Жителям Саксон-Уолл было невдомек, что только законное рождение дает право на наследство – поскольку жизнь в городке шла по закону «выживет сильнейший», – но старая миссис Флюк, знавшая толк в Библии, привела им в пример Авраама и Агарь и просветила их на сей счет.

Марта Флюк вышла замуж за слабоумного пастуха по фамилии Пэшен, и местные сплетники пришли к выводу, что отцом ребенка Констанции является садовник, а сына Марты Пэшен – Хэнли Миддлтон. Если первое утверждение никем не оспаривалось и вскоре угасло само собой, то против второго горячо протестовали Марта Пэшен, старая миссис Флюк и даже сам Пэшен, – деревенский дурачок, работавший у фермера по прозвищу Бердси, – поэтому разговоры на эту тему продолжались еще долго, питаясь шумными спорами, догадками и непристойными островами.

Тем временем миссис Пайк, и прежде не отличавшаяся здравомыслием, окончательно предалась причудам и заперлась в доме вместе со своим ребенком, наотрез отказываясь выходить на улицу. Она объясняла это тем, что боится, как бы старая миссис Флюк не сглазила ее малыша.

В конце концов сына Миддлтонов передали под попечение адвокатов Хэнли – мать Констанции не хотела иметь с ним дела, – и Неот-Хаус закрыли. Теперь некому было проверять, бродит ли призрак Констанции по пустынным залам и пыльным галереям, если не считать праздничных дней, когда дом открывали для посетителей. Еще пару лет группы туристов с любопытством заглядывали в комнаты, где, как считалось, Хэнли и Констанция провели свои последние часы.

Викарий умер, доктор Кревистер ушел на покой, а «Долговязый парень», местный трактир, перешел в руки семьи из Эссекса. Еще один Долговязый парень, покровитель и, как говорили, близкий друг старой ведьмы миссис Флюк, мирно спал в могиле на холме Гутрум-Даун. Так прошло еще восемь или девять лет. Обитатели поселка продолжали прозябать в своих пороках, лжи, бесчинствах и уродствах, а также неизменно выпивать пинту пива по субботам. Правда, ее уже не оплачивала щедрость Хэнли Миддлтона, но она по-прежнему доставляла им большое удовольствие, не в последнюю очередь потому, что пиво было отменного качества, а жители Саксон-Уолл, хоть и бесчувственные ко всему прочему, знали в этом толк.

Явление второе Групповой диалог

«Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по каким я ступал, представлялись мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, – тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен – подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, быки и прочий скот прорицать, и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздастся предсказание».

Луций Апулей. Золотой осел

Глава I

«Ну полно, мой Телефрон, останься немного и, будь любезен, расскажи нам, как ты лишился носа и ушей».

Луций Апулей. Золотой осел

Восемнадцать лет Ганнибал Джонс зарабатывал себе на жизнь довольно сомнительным занятием – писал сентиментальные романы. Это было тем более предосудительно, что до начала своей творческой карьеры Джонс преподавал психопатологию в американском университете и прекрасно знал, что подобные опусы вызывают у читательниц приступы болезненной мечтательности. Под тлетворным воздействием его работ всевозможные старые девы, кухарки, портнихи и домохозяйки, включая собственных родственниц, приобретали сильнейший «комплекс Золушки», который отнимал у них свободное время и лишал их воли к жизни.

Увы, солидный доход, который приносили ему книги, заставлял Джонса забыть про стыд. Однако, к счастью для спасения его души, сентиментальная литература являлась не только прибыльным, но и довольно утомительным занятием.

Однажды ранней весной издатель пригласил Джонса на ланч и предложил ему новую идею. Тот слушал очень внимательно. Он и сам уже подумывал о чем-то подобном, но после стольких лет необременительных трудов и «легких денег» пугался серьезной работы. Издатель сказал ему следующее:

– Почему бы вам не взяться за драму? Ведь главная сцена в вашей последней книге – сплошная мелодрама, и читателям это нравится. Опишите трущобы в каком-нибудь промышленном районе или портовом городке. Много живых деталей, пара слезливых сцен: все как в кино, только солиднее и с размахом.

Джонс отнесся к этому предложению серьезно и начал работать изо всех сил. Но чем больше старался, тем труднее ему казалась книга. Результаты приводили его в ужас. У него сдавали нервы, мучила бессонница, но он упорно двигался вперед. Джонс читал книги и статьи по теме, собирал статистику, факты, вырезки из газет и наконец после шести недель напряженной работы в клочья изорвал роман, который, как ему представлялось, должен был поразить публику своей суровой и бескомпромиссной новизной и в то же время стать образцом английской элегантной прозы.

Джонс продолжал вкалывать в поте лица и посылал жене крупные суммы денег на случай, если она захочет продлить отдых на Ривьере, пока он не закончит свой роман. Но у него

не было привычки к серьезному труду. Джонс стал раздражительным и мрачным, непохожим на себя, начал худеть, потерял аппетит, его охватила апатия. Издатель пытался «нажать» на него, сначала по телефону, а потом, когда Джонс перестал брать трубку, с помощью телеграмм. Как человек с деловой хваткой – что является частым, хотя и не обязательным свойством авторов, пишущих ради денег, – Джонс настоял на выплате крупного аванса, и теперь издатель хотел убедиться, что тот действительно работает над книгой. Вполне естественная предосторожность, но издерганного и подавленного писателя это едва не свело с ума.

Кое-как успокоив издателя несколькими путанными фразами, которые, попади они в книгу, любой редактор вычеркнул бы из текста, Джонс, отчаявшийся, но не сломленный, удвоил усилия. Он уволил двух своих секретарей, в то время как третий, впечатлительный молодой человек, сам заразившийся его возбужденным состоянием, пять ночей подряд появлялся у кровати Джонса в виде сомнамбулы, бормоча стихи Уильяма Блейка, чем довел его до нервного срыва.

Джонс дал ему блестящие рекомендации и отправил в отставку. Следующие восемь недель он провел в частном пансионе, а затем обратился к знаменитому врачу-психоаналитику, чья репутация позволяла ему по старинке называть себя просто психиатром, и получил аудиенцию. Врач оказался маленькой, но злоедей на вид женщиной с улыбкой голодного крокодила и острым как нож взглядом. Ее внешность составляла разительный контраст с на редкость худым, истощенным и похожим на труп Джонсом. Погоняв его по обычным тестам, как ментальным, так и физическим, она ухмыльнулась, ткнула Джонса кулаком под ребра и посоветовала заняться садоводством.

– И не забудьте вернуть аванс издателю, – добавила врач.

Джонс, ни словом не обмолвившись об авансе, был поражен ее проницательностью, однако наотрез отказался иметь хоть что-то общее с карьерой садовода.

– Когда я был мальчиком, – объяснил он, – у моего отца был приусадебный участок. Вы знаете, что это такое?

Маленькая женщина кивнула.

– Так вот, каждую Страстную пятницу, – продолжил Джонс, – отец с раннего утра тащил меня в огород и заставлял бросать картофелины в ямки, которые он проделывал с помощью лункокопателя. После моего пятнадцатилетия эта обязанность автоматически перешла к младшему брату, но с тех пор я поклялся никогда не брать в руки садовый инструмент.

– В таком случае, – произнесла доктор, – возьмите подержанную машину, отправляйтесь в путь и не останавливайтесь до тех пор, пока не найдете какую-нибудь приятную и уединенную деревню. Станьте частью местного общества. Изучайте ее жителей, но ничего не пишите. Любите их. Враждуйте с ними. Заведите тяжбу. Играйте в лапту.

– Но как же моя книга?! – воскликнул Джонс. – По договору я должен закончить ее через два месяца. Я не могу подвести издателя. Мне позарез нужно написать книгу к сентябрю.

– Хорошо, – кивнула психоаналитик и вернула ему чек. – Сочиняйте дальше. Но не просите меня помочь, когда вас отправят в сумасшедший дом.

Джонс написал издателю, вернул ему аванс, выписал еще один чек жуткой рептилии-врачихе, запер свою квартиру, выкатил из гаража обшарпанный автомобиль и отправился на поиски деревни. Три месяца спустя он осел в Саксон-Уолл. Это был тихий, неопрятный и захолустный поселок. Он располагался вдалеке от больших дорог и, кажется, мало заботился о том, что люди, предпочитающие удобства благочестию, называют цивилизацией и прогрессом. От неказистых ферм разило силосом и хлебом, мрачные жители смотрели исподлобья, уродливые домики валились набок, а у местного трактира было странное название. Всего этого оказалось достаточно, чтобы Джонс выделил Саксон-Уолл среди прочих деревушек и решил остаться здесь на долгий срок.

– Не хуже всякой другой, чтобы подлечить расстроенные нервы, – пробормотал он себе под нос, выходя из машины перед «Долговязым парнем».

За большой кружкой пива – лучшего, что все, что он пил за эти годы, – Джонс прошупал почву насчет того, можно ли снять домик на лето.

– Легко, – ответил хозяин. – Я скажу Бердси, чтобы он попросил съехать матушку Флюк. Она не платила за аренду уже три или четыре месяца.

– Ну а если заплатит? – спросил добросердечный Джонс.

– Кто, матушка Флюк? Можете не беспокоиться. Я скажу Бердси, чтобы он переселил ее в тот маленький домик, который построили для бармена, когда он женился, перед тем как отправиться на фронт. У меня-то самого бармена нет, да он мне и не нужен. По правде говоря, это не дом, а просто развалюха – никто им сто лет не занимался, – но матушка Флюк в любом случае не протянет долго, так что ей без разницы. Я скажу Бердси, чтобы он накинул вам за аренду пару шиллингов, а со старухи не возьму ни цента. Потом я договорюсь с Бердси, и все будут довольны.

Джонс, оценив моральные и финансовые тонкости этой сделки, допил пиво и кивнул. Пресловутого Бердси он так и не увидел, но к концу дня они утрясли все детали, в том числе – что именно из обстановки дома миссис Флюк оставит Джонсу, а что перевезет в новое жилище, расположенное чуть дальше по улице. Джонс даже помог выселенной им старушке погрузить пожитки на две ручные тележки, предоставленные, соответственно, ее дочерью, миссис Пэшен, и ее соседкой, миссис Пайк. Правда, с самой миссис Флюк он не увиделся, поскольку она заранее отбыла в свой новый дом, чтобы на месте распределить перевезенное добро. Миссис Пэшен слегка успокоила взыгравшую совесть Джонса, заметив, что ее мать «будет только рада держаться подальше от Бердси, который каждый понедельник является к ней за арендной платой, и как раз в тот момент, когда у нее в ведре кипит белье, а печь требует растопки!»

Семья Пэшен оказалась его ближайшими соседями. Они знали про аэропланы, но никогда не видели автобусов и считали, что беспроводной телеграф и пылесосы противоречат воле Божьей. Вообще, о том, чего хочет или не хочет Создатель, местные жители, как обнаружил Джонс, имели самые подробные и безошибочные сведения.

На второй день он телеграфировал в Лондон с просьбой выслать ему новую кровать и кое-какие хозяйственные мелочи, после чего начал осваивать свой дом. Джонс снова попытался писать книгу, но это было бесполезно. Он был полностью истощен. Кроме того, его охватила тревога. В конце концов Джонс отложил материалы в сторону, спрятал пишущую машинку под кроватью и стал ежедневно совершать прогулки и изучать местность, стараясь не думать о работе и надеясь, что новые идеи возникнут сами, если он не будет на них заикливаться.

Окрестности деревни не представляли собой ничего примечательного, хотя и выглядели приятно. Его любимый маршрут проходил по болотистым лугам у подножия холма Гутрум-Даун и дальше по зеленым склонам, сплошь поросшим вереском и бурлившим мелкими ручьями.

В траве часто попадались гадюки и медяницы. Эти твари, как скоро выяснил Джонс, наводили ужас на местных жителей, кроме матушки Флюк, которая, если верить слухам, заставляла их плясать на кончиках хвостов при лунном свете и даже составлять своими телами имена темных духов, корчась на земле во время ночных шабашей.

Поговаривали также, будто миссис Флюк посещал сам дьявол и заключил с ней договор в том самом доме, где жил теперь Джонс. Писатель нашел это довольно любопытным, хотя в самом домике, чистом и хорошо ухоженном, с видом на сельские поля, не было ничего мрачного и зловещего. Что касается миссис Флюк, то, судя по рассказам ее дочери, это была бедная, честная и достойная старушка, которую почем зря оклеветали злые языки.

– А вы подождите, пока они поссорятся, – посоветовала ему соседка, бесхитростная миссис Пайк.

Тихая и опрятная миссис Пайк страдала косоглазием, но, если не считать этого недостатка и ее очаровательного сына, белокурого паренька лет девяти или десяти, худосочного и более умного, чем оба его родителя, Джонс не видел в ней ничего примечательного. В знак своего расположения миссис Пайк присылала ему мальчика с овощами из собственного огорода. Джонс, обожавший зелень и бобы, отвечал ей шоколадом и бананами из местной лавки. Но когда попытался заплатить за зелень, миссис Пайк расплакалась.

Вскоре ее постоянное внимание стало напоминать льстивое угодничество, хотя и не столь навязчивое, чтобы раздражать. Видимо, самое большее, на что она надеялась, это увидеть, как Джонс приподнимет шляпу, встретившись с ней на деревенской улице. А такое случалось часто, если он выбирал маршрут через деревню в сторону большого поместья с парком. Джонс пытался выяснить историю этого особняка – похоже, в нем уже давно никто не жил, кроме сторожа, – но жители Саксон-Уолл отличались редкой и по мнению Джонса, любившего собирать разные истории, возмутительной скрытностью. Ему сказали, что это Неот-Хаус, и больше ничего.

Постепенно его желание писать книгу стало угасать. Джонс больше не вытаскивал ее по два раза за день, чтобы, тяжело вздохнув, убрать обратно. Он рано ложился и хорошо спал. Никогда еще у него не было такой мирной и спокойной жизни. Джонс жил очень экономно и почти не тратил денег. Письма к нему не приходили: никто не знал его нового адреса, кроме жены, уже скучавшей в Ницце, и сотрудников магазина, которые отправили ему кровать и другие вещи. Издатель тщетно звонил ему в лондонскую квартиру. Наконец он перестал быть Ганнибалом Джонсом, автором бестселлеров, не выносившим собственные книги, и стал просто мистером Джонсом из Саксон-Уолл, абсолютно безвестным, но счастливым.

Глава II

«Должен признаться, что изучение англосаксонских законов повергает меня в состояние умственного хаоса. Я понимаю значение отдельных слов; могу разгадать, хоть и не без труда, смысл некоторых фраз. Но все в целом остается для меня полной загадкой».

Чарлз Пламмер. Жизнь и время Альфреда Великого

Прожив в деревне более шести недель, Джонс приобрел обширные, хотя и неглубокие познания в местной жизни. Например, он был в курсе, что в полумиле от домика викария находятся руины замка, но кто в нем жил и почему он оказался заброшенным, оставалось тайной. Слышал и про поместье на другом конце деревни, Неот-Хаус, стоявшем на дороге к побережью, и о том, что на его земле имеется некий «вдовый дом», где живут две сестры, незамужние дамы, которых в деревне знали как мисс Харпер и мисс Фиби. Мнение местных жителей об этой паре зависело главным образом от того, как они относились к их ручному козлу. Животное по кличке Джеральд («плод неразумной страсти бессловесных тварей», как говаривали мисс Sommerwill и мисс Роуз) свободно перемещалось по дому и сопровождало хозяек во время уличных прогулок и походов в магазин. Среди завсегдатаев «Долговязого парня», куда Джонс регулярно заглядывал утром и вечером, чтобы пропустить стаканчик превосходного эля, Джеральда считали чуть ли не новым воплощением «козла отпущения» из Библии и взирали на него почти с благоговением. Другие, более многочисленные, лишь неодобрительно покачивали головами и что-то бормотали себе под нос, а третьи, самые смелые, во всеуслышание заявляли о «раздвоенном копыте» и интересовались, что происходит за стенами «вдовьего дома» в ночи полнолунный.

Однажды днем, заглянув на почту, Джонс познакомился с обеими дамами и их козлом. Он зашел купить свежий табак, а они – почтовые марки и моток бечевки. Местная дворняжка,

болтавшаяся у дверей, залаяла на животное, и коза – а это существо было женского пола, – ничуть не испугавшись, метнулась в ее сторону с такой силой, что вырвала поводок из рук мисс Фиби. Прежде чем разгневанная мисс Харпер успела вмешаться, Джонс отогнал собаку метко пущенным камнем и снова вручил поводок мисс Фиби.

В награду за этот поступок его пригласили зайти на чашку чая во «вдовый дом». Приглашению предшествовал короткий обмен репликами между двумя сестрами и миссис Гэнт, почтмейстершей и хозяйкой лавки в одном лице.

– Как ты думаешь, нам нужны чизкейки, сестрица?

– Нет, сестрица. Я приготовила их утром, пока ты занималась фасолью.

– Тогда мы возьмем у вас баночку клубничного варенья, миссис Гэнт.

– Спасибо, мэм. Восемнадцать пенсов, мэм. Спасибо, мэм.

– Что-нибудь еще, сестрица? Кекс с тмином?

– Джентльмены не любят кексы с пряностями, сестрица! А у нас в доме найдется десяток яиц?

– Конечно, сестрица. Бердси прислал их сегодня утром.

– Тогда все в порядке. Не хотите зайти на чашечку чая, мистер Джонс?

После чая он задержался в гостях дольше, чем рассчитывал, поскольку сестры начали сплетничать о деревне и о Неот-Хаусе. Джонс узнал, что владельцем дома являлся девятилетний мальчик, – по словам сестер, молчаливый и угрюмый, с грубым лицом, – который учился в Сассексе, а на каникулы уезжал в Лондон с одним из своих опекунов.

– Бедное дитя, ужасная история! Неудивительно, что он вырос таким замкнутым, – тараторила мисс Харпер. – Его мать, миссис Миддлтон, умерла сразу после родов, а отец – три недели спустя, якобы от горя. Хотя, полагаю, дело было совсем в другом: он сам лишил себя жизни. Ужасный конец.

– Все это чепуха, сестрица, – возразила мисс Фиби. – Не забывай, что у нас есть заключение доктора.

– Вот как? И что сказал доктор? – поинтересовался Джонс, плохо понимавший, каким образом врач мог определить, что мистер Миддлтон «умер от горя».

– Доктор Кревистер сначала думал, что это сердечный приступ, вызванный несварением желудка, – ответила мисс Фиби, – но потом они прооперировали его на аппендикс, и неудачно.

– Глупости, сестра.

– Но он был болен, сестрица, очень болен! Ты ведь помнишь, что говорила миссис Пэшен?

– Да, однако это еще не означает, что он не мог себя отравить.

– А доктор так не думает. К тому же мистер Миддлтон не так уж любил свою жену.

– Почему вы так решили? – с любопытством спросил Джонс.

– Потому... – с готовностью начала мисс Харпер, но сестра сразу призвала ее к порядку:

– Перестань, Софи! Мистеру Джонсу неинтересно знать про все эти скандалы.

– Еще как интересно! – воскликнула мисс Харпер. – Все любят слушать про скандалы.

Мне продолжать, мистер Джонс? Конечно, если вы хотите.

Мисс Харпер вздернула очки в золотой оправе и бросила раздраженный взгляд на сестру. Но в следующий момент ее лицо просияло от удовольствия, поскольку Джонс неуверенно пробормотал, что действительно любит скандалы, когда в них нет злого умысла.

– Ну, вот видишь! – воскликнула она. – Что бы делал Шеридан, если бы все были такими щепетильными, как ты?

– А это имеет какое-то значение, сестрица?

– Разумеется! Что, по-твоему, я должна ставить в школе для девочек на Рождество? Даже викарий одобряет Шеридана.

– Пусть так, но позволь тебе напомнить, что наша дорогая мамочка всегда была против Шеридана. Не припомню, Софи, чтобы у нас дома хранилась хоть одна его книга.

– Ты путаешь его с Шелли, сестрица. Или с Шекспиром.

– Еще один безнравственный писатель, – сердито буркнула мисс Фиби.

Джонс вмешался и мягко напомнил о теме беседы.

– Так что это за скандал, связанный с мистером Миддл-тоном? – спросил он.

Мисс Харпер с доверительным видом подалась вперед и быстро ответила, не обращая внимания на неодобрительные гримасы мисс Фиби:

– Я слышала, он изменял своей жене!

– Но только до свадьбы, Софи!

– Это то же самое.

– Глупости, сестра! Нельзя изменить жене до свадьбы. Спросите мистера Джонса.

Тот хотел возразить, что не слишком разбирается в подобных вопросах, но тут мисс Харпер не нашла ничего лучшего, как громко крикнуть: «Гав, гав!» – прямо в покрасневшее ухо сестры. Писатель замолчал, а мисс Харпер, испепелив взглядом оглохшую на время мисс Фиби, продолжила рассказ:

– А еще говорят, будто живущий в деревне мальчик – сынишка вдовы Пайк – как две капли воды похож на Хэнли Миддлтона!

– Неужели? – отозвался Джонс. – В деревне ходят слухи, что его подбросили. Это мой сосед.

Мисс Харпер кивнула, а мисс Фиби, внезапно обретя голос – и заодно свойственное ей добродушие, – резко выпалила:

– Никогда бы не подумала такое про миссис Пайк! Почтенная женщина, тихая и работающая.

– Но не очень умная, – заметила мисс Харпер, поджав губы. – Она не слишком умна, не правда ли?

– Психически неполноценна, – вставил Джонс, разбиравшийся в психопатологии и поэтому интересовавшийся болезнью миссис Пайк.

– О, тут я ничего не могу сказать, – произнесла мисс Харпер, – но после нашего приезда мы ничего такого за ней замечали, верно, Фиби?

– Значит, вас не было в деревне, когда здесь жил мистер Миддлтон? – спросил Джонс, неважно разбиравшийся в местной хронологии.

– Нет-нет. Мы приехали вскоре после того, как его похоронили. В конце месяца будет восемь лет, как мы живем здесь. Вообще-то мы из Танбридж-Уэллс. Вы знаете Танбридж-Уэллс, мистер Джонс?

У Джонса там жила тетя, но ему не хотелось, чтобы интересный разговор о Миддлтонах превратился в обсуждение английских курортов, поэтому он спросил:

– Так вы говорите, маленький Пайк похож на мистера Миддлтона?

– Он его копия.

Беседа явно подходила к концу, и Джонс хотел уже откланяться, как вдруг мисс Фиби спросила:

– А как вам миссис Пэшен?

– Она меня не беспокоит, к тому же хорошо убирает дом, и у нее всегда есть что поесть.

– Хм! На вашем месте я все-таки держалась бы подальше от Пэшен, – заметила мисс Харпер. – Может, вам лучше было бы обратиться к Пайк.

– Но она пьет, – сообщила мисс Фиби. – Говорят, что незадолго до родов миссис Миддлтон – а вы должны знать, что миссис Пайк была акушеркой, правда, без лицензии...

– С лицензией, сестрица.

– Неважно. Я вам уже говорила, мистер Джонс, не следует ждать многого от Саксон-Уолл, но многие удивлялись, почему они не вызывали медсестру из Лондона или Манчестера...

– Вы знаете Манчестер, мистер Джонс?

– Сестрица, довольно! Вы же понимаете, что взять в акушерки миссис Пайк, которая и рук толком мыть не умеет, сомнительная затея. Кончилось тем, что молодая леди умерла от заражения крови.

– Ты забыла упомянуть про болезнь Пэшена, сестрица.

– Да, он сильно заболел, мистер Джонс, и...

– Говорили, что это отравление.

– Но на самом деле причина была в пьянстве. Его жена всегда жаловалась, что стоит ей его покинуть, как он впадает в меланхолию.

– В тот раз все зашло очень далеко. Нам рассказывала миссис Гэнт на почте. Его постоянно тошнило. Она тогда как раз следила за одним судебным процессом, где жертву отравили мышьяком: говорит, симптомы были те же самые.

– Его буквально выворачивало, – подхватила миссис Фиби. – А потом он лежал пластом и несколько дней был сам не свой.

– Наверное, много выпил, – заметил Джонс.

– Семнадцать пинт эля, если верить хозяину «Долговязого парня», – подтвердила миссис Харпер. – К тому же в саду нашли еще несколько пустых бутылок.

– А Пэшен нахально заявил, что не выпил из них ни капли, – усмехнулась мисс Фиби. – Хотя бутылок насчитали семнадцать штук.

– И представьте, перед смертью миссис Миддлтон он устроил то же самое! – воскликнула мисс Харпер.

– Ну надо же! – отозвался Джонс. – Подумать только!

– Говорят, он не хотел, чтобы жена оставила его и ушла ухаживать за мистером Миддлтоном, когда тот заболел. Вот почему это случилось.

– Он думал, что жена не пойдет в Неот-Хаус, а останется дома и будет ухаживать за ним.

– А Пайк поступила по-другому. Правда, она спасла его от желудочного зонда, но и только.

– Безусловно, мальчик на нее похож, – заметила мисс Харпер.

– Какой мальчик? Вы про молодого Пайка? – уточнил Джонс.

– О, нет. Про малыша Миддлтона, разумеется, – ответила мисс Харпер.

– Но миссис Миддлтон действительно родила мальчика, сестрица.

– И миссис Пэшен тоже, только четырьмя месяцами раньше. Правда, ее ребенок умер.

– Только после похорон мистера Миддлтона, сестрица. Кажется, это было в следующую субботу?

– Его сглазила миссис Флюк. Она терпеть не могла миссис Пэшен, – мрачно заметила мисс Харпер.

– Но ведь она ее дочь! – удивился Джонс.

– Вы не знаете местных жителей, – вздохнула мисс Фиби.

– Послушали бы вы, о чем они говорят...

– И о чем они думают...

– Это просто ужасно!

– А что стало с ребенком? – спросил Джонс.

– Он отправился на небеса, – ответила мисс Фиби и покачала головой. – К счастью...

– Да, к счастью...

– ...его крестили в трехмесячном возрасте.

– Я имел в виду маленького Миддлтона, – пояснил Джонс.

– Если это действительно Миддлтон, – буркнула мисс Харпер, отведя взгляд от сестры. – Знаете, когда муж не верен жене, измена часто бывает обоюдной. И если младший Миддлтон – не Миддлтон, а молодой Пайк... Хотя говорить можно всякое, но согласитесь, не бывает дыма без огня.

Джонс кивнул и, сбитый с толку всей этой путаницей между Пайками, Миддлтонами и Пэшенами, собрался уходить.

– Надеюсь, вы навестите нас еще раз, мистер Джонс? – обратилась к нему мисс Харпер.

– Мы откроем для вас баночку сливового варенья, и вы сравните его с клубничным от миссис Гэнт, – добавила мисс Фиби.

– Прошу прощения, – пробормотал Джонс, – но, мне кажется, я не совсем понял. Чей ребенок умер?

– Миссис Пэшен, – быстро ответила мисс Харпер.

– Неудивительно, если вспомнить, как пил его отец, – вставила мисс Фиби.

– И снова эль, сестрица.

– Бедное дитя, он был совсем слаб!

– Миссис Пэшен говорила, что раньше и сама была не прочь пропустить стаканчик эля, но с тех пор, как насмотрелась на мужа, даже думать не хочет о спиртном.

– Это и понятно, сестрица.

– Он добавлял в него джин.

– Ужасный человек! Подумать только, что мы давали ему работать в нашем саду, пока обо всем этом не узнали!

Глава III

«Нет никакой возможности примирить эти интересы; все, что мы можем, – соблюдать такт и не упускать из виду собственные цели».

Ханс фон Сект. Мысли солдата

Джонс вернулся домой и часа два просидел над книгой в своей гостиной, пока, случайно подняв голову, не заметил в окне старую женщину в красной юбке из плотной ткани. Подоткнув подол, она согнулась на грядке и занималась какой-то сельскохозяйственной работой, в которой Джонс, будучи убежденным горожанином, ничего не смыслил.

Он смотрел на нее битый час. Старуха медленно перемещалась по полю и частыми короткими толчками втыкала в землю железный инструмент. Выглядело это жутковато и в то же время зачаровывающе – методичное, изуверское кромсание ни в чем не повинной почвы. Джонс долго следил за ней с какой-то болезненной тревогой, и ему казалось, будто он слышит, как металл лязгает о камни.

Когда она закончила работать, наступили сумерки, и Джонс отправился в трактир «Долговязый парень» за вечерним элем, с неприятным чувством вспоминая этот эпизод.

На следующий день, часа в четыре, старуха снова вышла в поле и продолжила свою работу. Джонс стал за ней следить и так погрузился в наблюдения, что, когда в комнату вошла миссис Пэшен и со звоном поставила на стол поднос, от неожиданности вскрикнул.

Миссис Пэшен привычным жестом бросила в чашку два куса сахара – хотя он раз пять объяснял ей, что не любит слишком сладкий чай, – и выглянула в окно.

Это была грузная и медлительная женщина с черными волосами и тяжелым, похожим на маску, бледным лицом с грязноватой кожей. Впрочем, Джонс допускал, что в молодости мужчины находили ее привлекательной.

«Молчаливый и угрюмый, с грубым лицом», – вспомнил он слова сестер.

– Как там молодой Миддлтон? – неожиданно спросил Джонс.

Миссис Пэшен не ответила. Он решил, что вопрос показался ей бестактным. Она лишь пробормотала, глядя в окно:

– Значит, наша матушка Флюк опять пошла греметь костями?

Она отвернулась от старухи, которая, как вспомнил озадаченный Джонс, была ее матерью, и, обильно залив молоком болтавшиеся в чашке куски сахара, небрежно произнесла:

– Вы слышали, что на нашего священника навели порчу? Не удивлюсь, если матушка Флюк сведет его в могилу.

– Глупости, – покачал головой Джонс, пытаясь сохранить шутливый тон. – Не хватало, чтобы вы лепили восковые фигурки и втыкали в них булавки.

– Вы думаете, нужно? Хорошо, я ей передам, – равнодушно проговорила миссис Пэшен.

Джонс уставился на нее в изумлении, но белое как мука лицо женщины осталось абсолютно неподвижным. Запустив пальцы в волосы, она почесала ногтем голову и рассеянно бухнула в чашку еще два куска сахара. Уставший от споров Джонс ограничился тем, что взглянул на нее с упреком и, выудив сахар чайной ложкой, положил его на блюдце, чтобы она могла его заметить. Миссис Пэшен лишь нервно хихикнула, взяла потемневший от чая кусок и шумно втянула губами мокрый сахар.

– Неплохо попить чаек с сахаром, верно? – сказала она. – У нас парни так целуются.

Джонс не стал развивать эту тему и полушутливо промолвил:

– Наверное, мне следует уведомить викария, что ваша мать точит на него зуб?

– Угу. Скажите ему, чтобы спустил на нее всех гончих ада, – с суровой серьезностью возразила миссис Пэшен.

Писатель попытался улыбнуться, но выражение ее лица не изменилось.

Джонс познакомился с викарием в первые дни пребывания в Саксон-Уолл. Он приколачивал к стене консоль, собираясь водрузить на нее миниатюрную копию Венеры Милосской – единственной скульптуры, в названии которой никогда не ошибался, – как вдруг заметил маячившую в дверях фигуру.

– Простите, я вижу, что вы заняты, и не хочу вас беспокоить, – скромно произнес священник. – Просто я подумал, не нужна ли вам какая-нибудь помощь. Забить гвоздь, повесить занавеску...

С того раза они больше не виделись, и если что-то подтолкнуло Джонса отправиться тем же вечером в дом викария, то не столько желание посвятить его в неприязненные чувства миссис Флюк, сколько предвкушение дружеской беседы.

Его рассказ о наведенной порче ничуть не удивил священника.

– Старая миссис Флюк? Ну да, конечно. Не так давно она болела, и я приносил ей кое-какие гостинцы и немного вина. А теперь все это закончилось. Я знал, что могут возникнуть проблемы, но не предполагал, что дело дойдет до порчи. Она ведь мне отомстила.

– Неужели? Каким образом?

– Пригрозила, что станет ходить к баптистам. Они тут уже обратили несколько человек, и теперь дело только за дождем. По правде говоря, у них очень энергичный пастор, я восхищаюсь им. Его не назовешь ученым малым, однако он прекрасный проповедник и любит рассуждать о заблудшей овце и девяносто девяти праведниках. К сожалению, дождь не на его стороне, поэтому вряд ли ему удастся наставить на истинный путь многих грешников.

– Дождь? – удивился Джонс.

– Да. Видите ли, баптисты целиком погружают крещаемых в воду. Но в это лето такая засуха, что, если не собирать росу с травы, у них не хватит влаги даже на одно крещение. Вся надежда на дождь.

– И баптисты примут миссис Флюк? – спросил Джонс.

– Ну, если она выразит такое желание, сомневаюсь, что он сможет отказать. Между прочим, она сказала, что не пойдет к методистам, потому что методисткой была ее мать.

– Не понимаю, в чем тут смысл.

– Я тоже. И меня это устраивает. – Викарий понизил голос и провел пальцем между воротничком и шеей: – Когда в словах местных жителей есть какой-то смысл, чаще всего это такие непристойности, что лучше их вообще не понимать. Что касается их развлечений, они еще почище разговоров. Как вы думаете, что я запретил сразу, приехав сюда четыре года назад?

– Пьянство? – предположил Джонс.

– Петушинные бои. Ни больше, ни меньше. На юге Англии их тоже практикуют. Это обычай еще с четырнадцатого века, а может, и раньше.

– Неужели?

– Да. Я начал с того, что осудил его в своей проповеди и сравнил с ужасными боями быков в Испании. Но толку от этого не было, если не считать одного нелепого замечания от прихожанина по фамилии Пэшен – по сути дела, деревенского дурачка, у которого, как считается, есть «дар» обхаживать коров.

– Вот как?

– Пэшен работает скотником у Бердси. После проповеди он пришел ко мне и сказал: «Сдается мне, сильная это вещь – те бои, о которых вы рассказывали, святой отец. Хотел бы я взглянуть на них одним глазком. Вот только у них там, в Испании, похоже, не ценят скотину так, как у нас, верно? Мы-то держим быков не для того, чтобы развлекаться или чтобы развлекать их».

Джонс рассмеялся, а викарий продолжил:

– Короче говоря, это не сработало, и тогда я отправился в трактир «Долговязый парень» и бросил вызов всем владельцам петухов. Понятно, что каждую из схваток я проиграл. Мне отбили почки и сломали нос. Но в конце концов хозяин трактира – вы его знаете, он хороший христианин и к тому же не из местных, я о нем высокого мнения, – вмешался в дело, задушил двух собственных петухов и встал на мою сторону. Следующее, что я сделал, это запретил мальчишкам убивать гадюк.

– Однако это неприятные существа, не так ли?

– Ну и что с того? Мальчишки – тоже неприятные существа. Однако никто не предлагает колошматить их дубинами. Они охотились на этих несчастных созданий и убивали их зверским образом. Это было жестоко. Отвратительно. Мне это категорически не нравилось. И все они пели в церковном хоре. Я выгнал их. Они остались без денег. Некоторых даже поколотил. С тех пор меня прозвали Старым сатаной.

– Скорее всего, идеал религиозного общества для миссис Флюк – Армия спасения, – заметил Джонс, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

Викарий покачал головой:

– Они – богобоязненные люди. Глава их местной ячейки сообщила мне, что они не переманивают прихожан английской церкви. Уж не знаю, почему. Может, дело в деликатности этой молодой женщины. К тому же миссис Флюк недавно сказала моему дворецкому – наверное, когда объявила ему о своем намерении погрузиться в крещальную купель, если Господь пошлет нам дождь, – что, по ее мнению, нет ничего ужасней армии, шествующий с флагами и оркестром, если только это не Давид, пляшущий с тамбурином в Силоме перед Ковчегом завета.

– Старая богохульница! – со смешком воскликнул Джонс.

– О, нет-нет, – серьезно возразил священник. – Дело тут не в богохульстве, и она не шутила. Эта сцена потрясла ее не меньше, чем Мелхолу, и, скорее всего, по тем же причинам. Вы не замечали, как упорно держатся одни и те же предрассудки в умах женщин на протяжении многих поколений? Кстати, если вам будет не хватать воды, приходите ко мне. Мой колодец никогда не иссякает – так, по крайней мере, гласит местное предание. Я полагаю, это не

что иное, как колодец саксонского монастыря, который был построен на этом месте. Деревня получила название в честь колодца, славившегося своей целебной водой, и прежде она называлась Саксон-Уэлл, а не Саксон-Уолл.

– Любопытно.

– Полгода назад Эймс, мой коллега из соседнего прихода, свалился в свой колодец и с тех пор берет воду только из моего. Объясняет, что в тот день чистил коровник и теперь его вода заражена. Однако его прихожане, которые в своих воззрениях ушли не слишком далеко от своих языческих предков, ютов и саксонцев, считают, будто колодец стал источником святой воды.

– Потому что в него упал священник?

– Да. Но не следует обращать внимание на подобные нелепости. Лучше их просто игнорировать. «В тот год язычники разорили Шеппи». Вы изучали англосаксонские хроники, мистер Джонс?

Писатель рассмеялся:

– Я изучал психопатологию. Это довольно интересно.

– Хотел бы я, чтобы вы применили свои познания на ком-нибудь из моих прихожан, – заметил викарий. – Вам было бы чем поживиться. И раз уж мы об этом заговорили, вы тот человек, который поможет нам развлечь детишек на ежегодном празднике в воскресной школе. В этом году мы собираемся проводить его на открытом воздухе возле замка, потому что у нас очень мало денег. Я буду безмерно счастлив, если вы к нам присоединитесь. Мы угостим их чаем прямо в поле, если будет хорошая погода, или в этом доме, если начнется дождь, а потом устроим всевозможные соревнования и викторины, выступления скаутов, деревенские танцы и костюмированные игры. В половине девятого или в девять все разойдутся по домам, так что день будет не слишком длинным.

Джонс покачал головой:

– Все это не для меня.

Викарий улыбнулся:

– Да бросьте! Я понимаю, вам не по душе эта идея, да и на празднике будет невероятно скучно, но вы не представляете, как для меня важно притащить туда еще одного мужчину. Разумеется, у нас самые восхитительные дамы – не знаю, что бы я делал без них, – но я буду чрезвычайно признателен, если вы поддадитесь уговорам и окажете нам помощь.

Джонс, мысленно проклиная себя за глупость, ответил, что придет.

– Вот и замечательно! – радостно воскликнул священник. – Я сделаю вас судьей на состязаниях по бегу. Обычно я сам даю сигнал к началу, а одна или две дамы держат ленточку и объявляют результаты, однако тут одна проблема: почти у каждой в школе учатся собственные дети, и это приводит к предвзятости суждений. Распределение наград редко устраивает всех присутствующих.

– Господи, – простонал Джонс.

– Ваши решения никто оспаривать не будет.

– Даже если меня не поколотят мамы тех учеников, которые останутся без призов, удар по репутации мне обеспечен, – вздохнул Джонс. – Когда праздник?

Священник хотел ответить, но тут в комнату вошел его дворецкий – японец, которого он привез с собой из миссии. Родители в деревне пугали им детей, говоря, что японец придет и съест их, если они не будут слушаться. Дети постарше в этом сомневались, ссылаясь на мнение школьной учительницы, миссис Бэнкс. Та уверяла, что японцы питаются только рисом и религия запрещает им есть людей. По-английски он говорил коротко, но без акцента.

– К вам миссис Флюк.

– Пригласи ее, Нао.

– Хорошо. Она расстроена.

– Чем?

– Не говорит.

Миссис Флюк, с которой Джонс впервые столкнулся лицом к лицу, действительно выглядела расстроенной. Она сделала нечто вроде реверанса, демонстрируя викарию, что пришла по серьезному делу, и начала без предисловий:

– Ваше преподобие, все дело в моей дочери!

– Вы про миссис Пэшен?

– Марту Пэшен, как она себя называет!

– Миссис Флюк, к чему опять бессмысленные обвинения? Это нехорошо, и это неправда. Кстати, почему бы вам не обратиться за советом к баптистскому пастору?

– Ни в коем случае! – воскликнула миссис Флюк, процитировав Твидлдама², и ее взор слезящихся глаз пригвоздил Джонса к месту, предостерегая от улыбки. – Я-то знаю, что делаю, и не собираюсь быть баптисткой, нет! Они нехристи.

– Нехристи? – повторил викарий. – На вашем месте я не стал бы озвучивать столь... опрометчивые заявления.

– Я знаю, какие заявления мне делать, ваше преподобие, хотя, может, вы так и не думаете, – возразила миссис Флюк. По-прежнему не сводя взгляда с Джонса, она добавила: – Осенью мне стукнет восемьдесят годков, и я еще могу взять черта за рога.

– О да, – примирительно поддакнул Джонс, хотя не понял, имела ли она в виду свое крепкое здоровье или какой-то дьявольский обряд.

– Так вот, она вместе со своим полоумным мужем прямо у меня под носом выдоила мою корову и украла яйца из курятника!

– Глупости! – замахал на нее руками священник. – Глупости, миссис Флюк!

– Не глупости, ваше преподобие, а сушая правда! – хрипло вскричала она. – Они сделали это дважды, хотя и один раз – это уже слишком! И если вы завтра не заявите об этом с кафедры, ноги моей больше не будет в вашем доме! Стыд и позор, что уважаемая женщина не может найти справедливости у единственного джентльмена во всем приходе!

– Вы не видели, как миссис Пэшен и ее супруг доили корову и воровали яйца? – спросил викарий, не клюнув на льстивое замечание о «джентльмене». – Вы этого не видели!

Миссис Флюк нехотя признала данный факт.

– Глазами не видела, если вы об этом! – ответила она. – Но глаза-то лгут. Зато я видела их духовным зрением, да-да, вот намереди, когда смотрела в свое стеклышко.

– Вот что, миссис Флюк, – сердито произнес викарий, – я вам уже говорил, что если вы будете гадать на кристаллах или чем-то подобном, то Господь проклянет вас на веки вечные и отправит в ад! Понимаете?

– М-м, – промычала миссис Флюк и задумалась, оттянув пальцами нижнюю губу. Внезапно ее лицо просияло. – Вы умеете красиво говорить, ваше преподобие, когда хотите!

– А вы, похоже, вовсе этого не хотите, – пробормотал себе под нос Джонс.

Старуха быстро отвела от него взгляд и перекрестилась.

– Господи, что вам еще взбрело в голову?

– А что он там про меня шепчет? – буркнула миссис Флюк, ткнув пальцем в Джонса.

– Просто процитировал одну строчку, – с виноватым видом ответил Джонс.

– Надеюсь, из Святого Писания, молодой человек?

– Э... нет.

– Я так и думала. – Она торжествующе взглянула на викария. – А насчет баптистов я вам скажу. Помните историю про Илию?

– Помню.

² Твидлдам (в др. переводах Траляля, Тилибом) – персонаж книги «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла.

– Как он заливал алтарь водой?

– Да, да.

– И как все равно пришел огонь и все сгорело?

– Разумеется.

– Так почему же баптисты не могут послать на землю дождь? Они же так любят воду! Вода для них бог, но ему на них плевать! Значит, и мне на них плевать!

– Вот что, миссис Флюк, – сурово возразил священник, – я не позволю в своем присутствии говорить такие вещи. Не мое дело защищать представителей других конфессий, однако неприятно слышать столь грубые и непочтительные замечания. Вы что, язычница? Разве вы не понимаете, что дождь начнется в свое время, как предназначено Господом?

Миссис Флюк печально покачала головой.

– Конечно, вы больше в этом понимаете, ваше преподобие, – признала она. – Я только хочу сказать, что мистер Турфи не может крестить своих баптистов. А что до меня, то я ни воды не могу добыть, ни Марту Пэшен за руку поймать. И если так пойдет и дальше, я запутаю ее в ветвях деревьев, как того Авессалома, и пусть воин пронзит Марту своим мечом.

– Я поговорю с миссис Пэшен, хотя и убежден, что все это чепуха, – поспешно произнес викарий.

Миссис Флюк ответила ему реверансом и хотела продолжить разговор, однако священник уже нажал кнопку звонка, и на прощание она успела только сказать:

– Ладно-ладно, спасибо и на этом, но хочу напомнить, что помогать мне нести свое бремя – ваш священный долг. И раз уж вы были так добры, то вот вам четыре пенса на детишек, хотя я слышала, что в последний год они вели себя хуже всякого скота, и очень жаль, что на них нет пророка Елисея с его медведями.

Викарий молча взял четыре пенса, раскрыл бухгалтерскую книгу и вписал туда имя миссис Флюк и размер ее взноса.

– Странная женщина, – прокомментировал Джонс, когда она ушла.

Священник набил трубку табаком, закурил и хотел что-то ответить, но тут дверь снова отворилась, и в комнате появился японец.

– Миссис Пэшен, хозяин.

– Пусть войдет, Нао.

– Хорошо. Дочка Флюк и все-такое.

К миссис Пэшен вряд ли подходили слова и «все такое», подумал Джонс, с интересом разглядывая ее мертвенно-бледное лицо и раздутые ноздри. Как и мать, новая посетительница сразу перешла к делу.

– Во-первых, вот вам семь пенсов на мальчишек, – заявила она.

Викарий достал книгу и записал ее взнос. К удивлению Джонса, он и на сей раз не сказал ни слова благодарности.

– А во-вторых, – яростно продолжила миссис Пэшен, – эта старая чертовка постоянно врет, чтоб она сдохла! Но прийти сюда, к вам! Правду говорят – не только с плотью и кровью борется душа, но и со всяким наваждением от злого духа!

– Давайте к делу, миссис Пэшен. Вы жалуетесь на свою мать?

– Она мне не мать! Избави Бог от такой матери! Лучше бы я родилась от...

– Хватит! Объясните, зачем пришли.

– Она навела на меня заклятье, вот зачем.

Ее зеленоватые глаза, цвета болотной воды, вдруг злобно блеснули в сторону Джонса.

– Глупости, и вы сами это знаете! Будьте благоразумны!

– Но это не глупость, сэр. Она меня заколдовала! И беднягу Пэшена тоже.

– Что же она сделала?

– Как только мы выходим из дома, сразу слышим плач маленьких ягнят. Такой жалобный. А вы сами знаете, у нас ягнят нет.

– Вы все это выдумали. Лучше скажите, зачем вы выдоили корову матери и украли у нее яйца?

Женщина покосилась на Джонса и хихикнула:

– Она вам с три короба наврет, а вы слушайте. Матушка мастер в этом деле. Говорит как по писаному. На самом деле у нее вообще нет кур. Это она украла у меня яйца, а я их вернула. Разве это воровство?

– Довольно! – крикнул викарий, внезапно потеряв терпение. – Говорите дальше, и побыстрее!

– Ага, – буркнула миссис Пэшен. Ее возмущение куда-то пропало, и, немного помолчав, она снова хихикнула: – К вам тут собирается Лили Саудолл, насчет Долговязого парня.

– Что за Долговязый парень? – спросил Джонс, но она не ответила и снова обратилась к священнику:

– Почему этот холм называют Громбум-Даун, сэр? Наверное, есть какое-то объяснение.

– Гутрум-Даун, милая, Гутрум-Даун.

– Ладно, – с сомнением протянула миссис Пэшен. – Но, поверьте моему слову, в этой деревне полно странных вещей – недаром парни из Армии спасения судачат о них «как медь звенящая и кимвал звучащий».

Когда она ушла, Джонс выразил удивление тем, как часто деревенские жители употребляют библейские цитаты в повседневной речи. Викарий усмехнулся:

– Может, это было бы и неплохо, если бы они их так не перевирали. Увы, в жизни все они жуткие богохульники, полные мерзости и греха, и у меня порой волосы встают дыбом, когда я слышу, как они употребляют священные слова в любом смысле, но только не в том, в каком их нужно употреблять. Я не намерен вмешиваться в эту ссору между миссис Пэшен и миссис Флюк. Они обе хороши. Ходят ко мне чуть ли не каждую неделю и поливают друг друга грязью. За их жалобами всегда стоит что-то реальное, но они громоздят вокруг этого столько лжи, что докопаться до правды невозможно. Однажды они объединили свои силы, и деревню затопило потоком анонимных писем. Мы так и не узнали, кто был их автором, но я готов поклясться, что это дело рук нашей сладкой парочки. Миссис Флюк выливали ушат помоев, а миссис Пэшен переводила их на бумагу. Давайте выпьем виски и забудем об этом. Кстати, интересно, какое отношение Долговязый парень имеет к Лили Саудолл?

– Кто это?

– Служанка доктора. Я всегда считал ее здравомыслящей девушкой, которая не станет забивать себе голову местными легендами, но кто знает.

– Она не местная?

– Нет. Доктор не берет местных. Говорит, что все они распутные женщины и грязнули, уж не знаю, почему. Он поселился тут после меня. В деревне его не любят и боятся. А это кое-что значит.

– Они действительно распутные женщины и грязнули? – спросил Джонс.

– Вероятно. Лили приехала сюда из Суррея. Боюсь, она окажется обычной суеверной дурочкой.

– А при чем тут Долговязый парень?

– Это нечто вроде нашего местного духа стихий. Вы интересуетесь паранормальными явлениями?

– Не особенно. Разумеется, я часто слышал всякие истории про привидений, но никогда им не верил. Правда, я неохотно ночую в местах, которые славятся тем, что их посещают призраки. Видимо, бессознательно придерживаюсь мнения, что «есть многое на свете, друг Горацио...» и тому подобное.

Оба рассмеялись, и викарий взял в руки сифон с содовой, когда в комнату снова заглянул японец.

– Мисс Саудолл. По неизвестному делу. Вся в слезах.

Лили Саудолл оказалась симпатичной девушкой в чистеньком и аккуратном платье. Она плакала и вообще была сама не своя. Присутствие в комнате Джонса явно ее смутило.

– Можно поговорить с вами наедине? – обратилась она к викарию. – Пожалуйста, сэр.

Джонс направился к двери.

– Подождите в соседней комнате! – крикнул ему вдогонку викарий. – Почитайте что-нибудь. Это не займет много времени.

Минут через пять он позвал его обратно.

– Дело касается вас, Джонс. Ох, уж эти сплетницы! Что мне с ними делать? Объясните ему, Лили.

– Не могу, сэр.

– Ладно, тогда я скажу. Снова эта ужасная миссис Пэшен. Говорит, что вы спите с этой девушкой.

– Почел бы за честь, – возразил Джонс, отвесив поклон и улыбнувшись.

Лили икнула и хихикнула.

– Вот и прекрасно, – кивнул викарий. – Вытрите глаза, садитесь сюда, и давайте подумаем, что можно сделать. Миссис Пэшен на вас за что-то зла, Джонс?

– Не вижу для этого никаких причин.

– Значит, она зла на девушку. Чем вы ее рассердили, Лили?

– Ничем, сэр. Я ей ничего не сделала!

– Вспомните.

– Нет, сэр, я уверена, что ничего, если только...

– Вот это уже ближе к делу. Выкладывайте.

– Но вряд ли кто-нибудь мог увидеть в этом злой умысел или что-нибудь такое. К тому же это было очень давно.

– Говорите, говорите!

– Помните, сэр, как в прошлый праздник урожая к нам в воскресную школу пришел маленький джентльмен из Миддлтонов и сел вместе с моими мальчиками?

– Лили – одна из лучших учительниц в воскресной школе, Джонс, – объяснил викарий.

– В следующий понедельник я сказала миссис Пэшен, что хорошо рассмотрела лицо маленького джентльмена, и мне показалось – я хотела сделать ей комплимент, сэр, только и всего, – будто он очень похож на нее. Не понимаю, чем это могло ее задеть, сэр, ведь мальчик почти не бывает в деревне, к тому же он очень богат и не имеет никакого отношения к нашему кругу...

– Миссис Пэшен – странная женщина, Лили. Похоже, ваше замечание ее обидело. Вот что я вам скажу: мы сделаем вид, что мы выше этого, и все само собой успокоится, согласны?

– Да, сэр, но...

– Продолжайте, – вмешался Джонс. – Эти слухи насчет меня и вас плохо действуют на вашего молодого человека, не так ли?

– Как вы догадались, сэр?

– Обычная история. Послушайте моего совета и дайте ему хорошего пинка. Это его кое-чему научит.

– Я не хочу с ним ссориться, сэр.

– Кто он?

– Джаспер Корбетт из...

– Из «Долговязого парня». Это сын хозяина трактира, – объяснил викарий, – хороший парень, и с большими перспективами.

– Да, мы знакомы, – кивнул Джонс. – Я с ним поговорю. Надеюсь, мне удастся вразумить его и объяснить, что волноваться не о чем.

Лили взглянула на него с сомнением, словно желая что-то возразить, но, поскольку люди ее положения привыкли думать, будто решения должны принимать исключительно мужчины, она лишь кивнула и молча удалилась.

– Странно, что она запнулась на названии трактира, – заметил Джон.

– Ничего странного, – возразил викарий, уловивший то, что ускользнуло от внимания писателя. – Вы когда-нибудь видели себя в зеркале в полный рост?

Глава IV

«Снежинки жадно садились на его волосы, бороду, плечи... Скоро след от полозьев исчез, и сам он, покрытый снегом, стал походить на белый утес, но глаза его все еще искали чего-то в облаках снега».

А. П. Чехов. На пути

Когда Джонс вернулся домой, на столе стоял ужин и миссис Пэшен уже сняла фартук, собираясь уходить. Она была в шляпке, которую никогда не снимала, кроме тех случаев, если приносила ему чай.

Джонс задержал ее:

– Послушайте, миссис Пэшен, что это за глупости насчет меня и Лили или как там ее зовут? Вы хотите испортить репутацию бедной девушке? Я прошу вас взять свои слова обратно. Это недопустимо!

Крупное лицо женщины не дрогнуло.

– Не понимаю, о чем вы, сэр? С вашего позволения, сэр, что бы я ни говорила о Лили Саудолл, к вам это не имеет никакого отношения.

– Но вы всем рассказываете, будто она спит со мной!

– Ничего подобного, сэр.

– Лили сама так сказала. А девушка в ее возрасте не могла выдумать подобную историю!

– Если я что и сказала, мистер Джонс, так только то, что она спит с Долговязым парнем. Это всего лишь маленькая шутка насчет того, что она обручена с Джаспером Корбеттом, у которого отец держит трактир. Честное слово, сэр, клянусь вам чем хотите, назовите меня Дилайлой, если я вру!

Миссис Пэшен говорила бесстрастным тоном, но было заметно, что она взволнована. Что касается Джонса, то для человека, гордившегося тем, что все подлинные чувства приберегает им для книг, он разошелся не на шутку.

– Девушка очень расстроена, а я возмущен! Прошу вас опровергнуть нелепые и смехотворные слухи. Вы меня поняли?

– Очень хорошо, сэр.

Женщина пододвинула к нему капустный суп, яичницу с беконом и с достоинством направилась к двери. Джонс не удержался от улыбки:

– Спокойной ночи, миссис Пэшен.

– Спокойной ночи, сэр.

Она вышла, не повернув головы, и тихо закрыла за собой дверь.

Джонс взглянул на часы: половина десятого. Времени достаточно, чтобы поужинать, а потом успеть в трактир. В Саксон-Уолл, похоже, никто не слышал о запрете продажи спиртного после одиннадцати.

«Долговязый парень» не мог похвастаться роскошной обстановкой. Джонс миновал двор с низкими воротцами, наклонился, чтобы погладить собаку, и вошел в зал. На глаза ему попался дюжий парень с красным, как кирпич, лицом и синими глазами, судя по всему, заведовавший баром.

– Есть минутка, Корбетт?

– Да, если я вам нужен, мистер Джонс.

– Я хочу вас побранить.

– Хорошо, мистер Джонс. Только подождите, пока меня сменит отец, он уже почти закончил ужин.

– Проблема вот в чем, – произнес Джонс, когда они вышли из зала. Он сразу перешел к делу с неожиданной для себя решительностью, пылая праведным гневом – чувством, которого не испытывал уже лет двадцать. – Зачем вы обидели Лили... запаматовал ее фамилию?

– Лили Саудолл, сэр?

– Да, Лили Саудолл.

Молодой Корбетт начал стегать крапиву прихваченным с собой прутом.

– Я совершил глупость, сэр, и наговорил много чего такого, чего не следовало.

– И настолько упрямы, что не хотите взять свои слова обратно?

– Парень не должен признаваться девушке, что не прав. Лучше просто сделать вид, будто все в порядке.

– А как насчет меня? Моя репутация тоже запятнана, разве нет?

Корбетт усмехнулся:

– Джентльмены получают свое удовольствие, сэр, и это не вредит их репутации.

– Где вы нахватались таких идей?

– Однажды мисс Фиби дала мне почитать книгу вашего однофамильца, Ганнибала Джонса, и там был парень по имени Каспар Дилмотуэй, который соблазнил одну девушку. Насколько я понял, сэр, он просто сделал, что хотел, и ему ничего за это не было, да и не будет, разве что после смерти.

– Господи, мои грехи пали на мою же голову! – воскликнул Джонс. – Ладно. Но вы же не верите во все эти рассказы про Лили?

– Нет, сэр, теперь нет.

У Корбетта был смущенный вид.

– Почему?

– Просто я все обдумал и сообразил, что зря слетел с катушек, и потом, у меня у самого была совесть нечиста насчет той ночи с Вайлерт Тизи, вот я и сорвался на Лили.

– Меня не волнует, что у вас было с другими девушками, но послушайте моего совета – не делайте глупостей и держитесь за Лили. Сходите к ней и извинитесь. Вы виноваты, и вам это только пойдет на пользу.

– Вы правы, сэр. Мне очень жаль. Хорошо, я к ней схожу. Но миссис Пэшен нельзя спустить это с рук. Она скверная женщина, мистер Джонс.

– Что вы имеете в виду, дружище?

Лицо молодого Корбетта стало серьезным.

– Что вы думаете об их детишках, сэр?

– О каких детишках?

– Разве мисс Харпер и мисс Фиби вам не говорили? Они уверяли отца, что вы в курсе. Мисс Харпер заявила, что вы из Лондона и сразу поймете, что к чему, лучше всякого другого. А мисс Фиби сказала, что это стыд и позор – ее собственные слова – и если что-то можно сделать, то вы обязательно сделаете.

– Не пойму, о чем вы?

– Об их детишках. О ребенке Миддлтона, ребенке Пайка и ребенке Пэшен, сэр. Мисс Харпер и мисс Фиби говорили, что объяснили вам, что к чему.

Джонс пожал плечами:

– Мисс Харпер и ее сестрица много чего мне рассказывали, но я особенно не слушал. Честно говоря, мне показалось, будто все это какие-то сплетни.

– Моя мать очень сердита на миссис Пэшен за те слова, что она говорила про вас и Лили Саудолл, сэр, – хмуро заметил Корбетт. – Она думает, что это неспроста. Вы не хотите побеседовать с моей матушкой, мистер Джонс? Она думает, что за такие дела ее следует привлечь к суду.

– Кого? Миссис Пэшен?

– Да.

Джаспер снова начал бить прутom крапиву. Они приблизились к просвету в изгороди, за которой начиналась лестница на Гутрум-Даун. Джонс поставил ногу на деревянную ступеньку, рассмеялся и неожиданно хлопнул Корбетта по плечу.

– Ну а вы хотите, чтобы ваша матушка поговорила со мной?

Лицо парня вспыхнуло, и его синие глаза блеснули.

– Мне бы очень хотелось, чтобы эта дрянная женщина получила по заслугам.

– Ладно, тогда поговорите с Лили, а я – с вашей матушкой. Но учтите, я не стану наказывать миссис Пэшен только за то, что она разносит обо мне глупые сплетни.

– А если матушка и отец сообщат вам все, что знают о ней, вы подскажите им, можно ли подать на нее в суд, сэр?

– Скорее всего вряд ли я сумею определить, есть ли смысл доводить дело до суда. Могу лишь посоветовать, следует ли обращаться с этим к адвокату, а там уж он сам решит. На это вы можете рассчитывать.

Молодой Корбетт кивнул:

– Хорошо, сэр. Я отправлюсь прямиком к доктору. Вечером Лили не работает, но я сомневаюсь, что она пойдет домой. Лили честная девушка, и ей не захочется рассказывать матери, что болтают про нее люди. Мать у нее строгая, мистер Джонс. Миссис Саудолл – методистка, а методисты очень суровы во всем, что относится к морали.

Джонс рассмеялся:

– Значит, у вас будет много времени, чтобы помириться!

Корбетт ушел, а Джонс еще постоял на лестнице и посмотрел на ячменные поля Гутрум-Даун. Округлый холм, коротко «остриженный» овечьими стадами, однако изумрудно-зеленый, громоздился над равниной подобно спящему гиганту, резко выделяясь на фоне небесной глади. По крутому склону змейкой вилась меловая дорожка, а на самой вершине покоился в каменной могиле древний вождь – неприкаянный дух, угрюмо паривший над деревней, или тот самый «долговязый парень» из местного фольклора.

В нависшей громаде холма, в раскаленном и неподвижном воздухе ощущалась какая-то угроза. Джонс вздохнул, думая о дожде. От этой мысли ему захотелось пить. Он медленно поплелся в сторону трактира, размышляя о распре между Корбеттом и миссис Пэшен.

Миссис Корбетт уже ждала его у входа. Она стояла под кустами вьющихся роз, перекинутых аркой над дверью дома, и поздоровалась, едва он приблизился к воротцам. Ничего не оставалось, как сделать любезное лицо и выслушать то, что она собралась ему сказать.

Женщина отвела его в полутемную комнату с узкими окнами и закрыла за собой дверь. Потом, высунувшись в окно и посмотрев направо и налево, затворила створки, заговорщицки улыбнулась Джонсу, поставила на стол вишневый пирог и, похвалив цветущий вид гостя, заговорила о мисс Харпер и мисс Фиби:

– Я часто бываю у них дома, мистер Джонс. Мы близкие подруги. Они так добры к Джасперу. Дают ему книги, приглашают нас на чаепитие. Очень милые и приятные особы. В Сак-

сон-Уолл мы не слишком избалованы хорошим обществом, к тому же у викария нет супруги, поэтому мы сами развлекаем себя как можем. В нашем кружке мисс Харпер, мисс Фиби, я, Корбетт, когда мне удастся его заманить – хотя владелец трактира должен быть куда более общительным, – и еще мисс Бэнкс, местная учительница, просто очаровательная дама, честное слово, вы будете удивлены, да и ученикам с ней полегче, ведь бедная мисс Вудс совсем стара – ей уже за семьдесят, – и никакой пенсии, наверное, про нее совсем забыли. Правда, она немного странная, но, конечно, это пустяки, зато рассказывает нам всякие интересные истории, про Хамельнского крысолова, например, очень интересно, когда слышишь в первый раз. Жаль только, что нет дождя, тогда у нас в трактире было бы больше посетителей. Впрочем, деньги не главное, я всегда говорю это Корбетту, ведь, в конце концов, мы христиане.

Джонс перебил ее, выразив надежду, что ждать дождя осталось недолго, и, не слушая возражений, попросил вернуться к сути дела. Насколько он понял, бурный поток ее речи был не столько уклонением от главной темы, сколько затянувшимся вступлением. Миссис Корбетт легко подхватила утерянную нить беседы и продолжила с удвоенной энергией, очевидно, вызванной тем, что ей удалось найти нового слушателя для уже не раз рассказанной истории.

– Ну вот, значит, нас четверо плюс пятый Корбетт и шестая миссис Бердси – хотя жены фермеров, между нами говоря, не самая лучшая компания, – и еще была жена баптистского пастора, пока она не умерла, бедняжка, впрочем, если уж говорить начистоту, мистер Джонс, люди из церковного сословия весьма достойные особы, но пожимание рук всем и каждому у входа в церковь перед вечерней службой, – в этом, знаете ли, есть нечто американское, хотя не мне судить, но, если хотите, им просто не достает хороших манер.

– Миддлтоны, полагаю, не часто покидали свое поместье? – спросил Джонс.

– Все случилось за неделю до того, как мы сюда приехали, – продолжила миссис Корбетт, расправив на коленях черный фартук и, видимо, входя во вкус. – Поначалу все были слишком потрясены, чтобы говорить на эту тему, но когда завершились похороны и появилась новая няня, чтобы увезти ребенка Миддлтонов, а миссис Пайк, как вы знаете, перестала выходить из дома, и было очень странно, не говоря уже про свежий воздух, почему она прятала от людей малыша, а потом еще умер младенец миссис Пэшен, – в общем, как вы понимаете, нас все это немного удивило.

– Понимаю, – терпеливо произнес Джонс. – Вы подумали, что с ребенком миссис Пайк что-то не так? Например, что он обезображен?

Миссис Корбетт покачала головой:

– Нет, мистер Джонс. Но, если уж на то пошло, согласитесь, трудно не заметить, что маленький Пайк – буквально копия всех Миддлтонов в третьем и четвертом поколении, а чтобы убедиться в этом, достаточно сходить в их картинную галерею, которую открывают по праздникам! И если уж это ничего не доказывает, то я не знаю, что еще нужно!

– Не доказывает что? – спросил Джонс, но миссис Корбетт не могла остановиться. Она покачала головой и продолжила:

– Нет, вы только подумайте, какая наглость! Малышу миссис Пэшен было четыре месяца, а маленькому Миддл-тону – всего три недели! А его мать и отец – как они только не восстали из гроба!

– Значит, вы считаете, что миссис Пэшен подменила ребенка Миддлтонов своим четырехмесячным малышом, а миссис Пайк была в деле и теперь воспитывает молодого Миддлтона как Генри Пайка, своего сына, который на самом деле умер? – уточнил Джонс. – Что ж, вероятно. Подобное уже случалось раньше.

– Да, мистер Джонс, именно это я и думаю, все, как вы сказали. Только не верю, что бедняжка миссис Пайк участвовала в этом. Она такая простодушная, просто дитя природы.

– Но должна же она знать, что Генри – не ее ребенок. Тут особого ума не требуется.

– Конечно, она знает, что это не ее ребенок. Хотя она так доверчива! Только я уверена, что молодого Миддлтона передали ей как сына Пэшен.

– Тогда зачем она прятала его в доме? Если миссис Пэшен решила расстаться со своим ребенком... кстати, а что стало с сыном миссис Пайк?

– Наверное, эта скверная женщина сказала ей, что у нее отберут ребенка, если узнают, что он чужой. А маленький Пайк, полагаю, умер. Вы сходите к этой миссис Пайк, мистер Джонс, и поговорите с ней. Она всему верит. Я в жизни не встречала таких доверчивых людей, ни в одной деревне – а у нас был дом в Эппинг-Форест, пока мы не приехали сюда и не купили трактир. И она обожает этого малыша. Отобрать его было бы жестоко. В том-то и проблема, мистер Джонс. Я не знаю, как лучше поступить. Нельзя допустить, чтобы эта женщина сделала своего сына богачом Миддлтоном, а Генри Пайк остался ни с чем. С другой стороны...

– Даже если так, маленький Пэшен ни в чем не виноват.

– Значит, вы считаете, не следует обращаться в суд?

– Возраст детей ничего не доказывает, да и внешнее сходство вряд ли станет аргументом для суда. Кроме того, маленький Пайк – на самом деле Миддлтон – может быть незаконно-рожденным сыном Миддлтона и Пэшен. Вы об этом не думали?

– Но у Миддлтонов родился законный сын, мистер Джонс, и это трудно отрицать. Кроме того, семейное сходство работает с обеих сторон.

– С обеих сторон?

– Да. Генри Пайк похож на Миддлтона, а молодой Миддлтон – как его называют – на Пэшен. Можете не сомневаться, мистер Джонс. Я говорила с людьми.

– Ну, не знаю. Дело сложное, – произнес Джонс, заинтересованный этой историей, но не чувствуя себя вправе давать конкретные советы. – Мне кажется, лучше всего было бы дожидаться, когда маленький Пайк повзрослеет, и убедить его заявить свои права. А сейчас, даже если ваши подозрения справедливы, денег ему все равно не видать.

– Понимаю, мистер Джонс. Да, вы правы, надо все оставить как есть. В конце концов, это не наше дело, если не считать того, что правда есть правда.

– Разумеется, ваши показания будут очень ценны, если расследование все-таки начнется, – заметил Джонс, поднявшись с места. – Давайте прикинем. Когда умер Миддлтон, малышу Пэшен, по вашим словам, исполнилось четыре месяца. Младшему Миддлтону в момент смерти его отца было три недели, а сыну миссис Пайк... сколько ему было?

– Ровно два месяца, мистер Джонс. О, я знаю, мы ничего не сумеем доказать, но это просто стыд и позор – лишать мальчугана его прав!

– Да, но если миссис Пайк, как вы сказали, пять месяцев держала своего сына – или, точнее, чужого сына – взаперти, трудно будет найти свидетельства, что подмена вообще имела место. Тут все ясно, как божий день. Скорее всего она подменила ребенка сразу после смерти мистера Миддлтона, а может быть, и до. Он долго болел?

– Все произошло внезапно, мистер Джонс. Конечно, он горевал по своей жене, это естественно, если учесть, что они поженились совсем недавно и это было, так сказать, их первое дитя. Но умереть от горя! Никто не думал, что мистер Миддлтон на это способен. Особенно если вспомнить, как скверно он вел себя с ней.

– Значит, после его смерти проводилось расследование?

– Конечно, нет! Врач написал в заключении, что все в порядке. Тогда это был доктор Кревистер. А теперь доктор Мортмэйн. Очень приятный человек, но помешан на операциях. Когда Джаспер был маленьким, он сказал, что ему надо вырезать гланды, а я ответила, что у нас в семье прекрасно обходились без этого и Джаспер тоже обойдется. Я не верю в операции. «Были побиваемы камнями и умирали от меча», как сказано в Писании. «Не люблю, когда человек вмешивается в дела природы, доктор Мортмэйн, – сказала я, – или когда пытаются насильно исправить то, что исправляет только время».

Глава V

*«В сей интермедье решено так было,
Что Стену я представляю, медник Рыло.
Стена такая я, что есть во мне
Дыра, иль щель, иль трещина в стене,
...
А вот и щель – направо и налево...»*

Уильям Шекспир. Сон в летнюю ночь. Акт V, сцена I

Между таинственным Бердси и преподобным Мерлином Хэллемом существовало полное взаимопонимание относительно того, что на деревенской лужайке необходимо разбить идеально ровное, хорошо подстриженное и тщательно охраняемое поле для крикета.

Крикет совсем недавно приобрел популярность в Саксон-Уолл. По крайней мере, наблюдая за матчем между командами викария и Бердси, Джонс пришел к выводу, что целью принимающей стороны было не столько вывести бэтсменов из игры, сколько полностью их обездвигать. Как деликатно выразился доктор, кулачные бои практиковались в Саксон-Уолл намного раньше, чем игра в крикет.

Ни Бердси, ни викарий не участвовали в соревнованиях лично – как-никак это дело молодых и быстрых, – однако каждую пятницу Бердси освобождал Пэшена от его пастушеских обязанностей и отправлял расчищать площадку для субботних игр. И потом, если после матча Пэшен заглядывал к священнику на кружку пива и просил три пенса за прополку его дорожек, никто не возражал.

Джонс внимательно изучил этого деревенского дурачка и решил, что только он поможет ему разобраться с запутанной историей про детей Миддлтонов, Пэшенов и Пайков. Отнюдь не желание восстановить справедливость в данном деле, а чистое любопытство побуждало его обратиться с расспросами к Пэшену, тем более что он уже начинал скучать в этой деревне, хотя ему не хотелось возвращаться к своему злосчастному роману.

В следующую пятницу Джонс проследил за Пэшеном, когда тот направился на поле для крикета. Он вышел из дома в половине четвертого, проследовал по узкой тропинке, тянувшейся в сторону Гутрум-Даун и, не упуская из виду деревенских крыш, спустился на зеленую лужайку. Там он улегся в тени дуба и стал смотреть, как Пэшен ровняет площадку для игры.

Примерно через полчаса он встал и, отряхнувшись, приблизился к нему. Разрываясь между необходимостью закончить работу и желанием проявить любезность к работодателю своей жены, Пэшен неуверенно застыл на месте, скрестив руки на рукоятке граблей. Наконец он угрюмо качнул головой и поприветствовал Джонса.

– Продолжай работать, – отозвался тот. – Вижу, ты уже почти закончил?

– Да.

Немного постояв, Пэшен снова приступил к делу. Взглянув на его неуклюжие руки, Джонс решил, что при таком темпе работа завершится не скоро, снова улегся на пожухшую траву и накрыл лицо шляпой, чтобы защититься от слепящего солнца. Старые вязы на краю поляны были тяжелы от зноя. Их густые кроны всей массой колыхались на легком ветерке, смешиваясь с синевой безоблачного неба. Сухую землю под деревьями почти полностью вытоптал скот, укрывавшийся в их тени, а окаймлявший лужайку папоротник выгорел и побурел на солнце.

Через четверть часа Пэшен отнес инструмент в сарай и вернулся с косилкой и березовой метлой. Он тщательно вымел площадку для гольфа и, как положено, бросил за обоими воротами по горсти свежескошенной травы.

Джонс прикинул, как лучше иметь дело с такой смутной и загадочной субстанцией, как разум Пэшена, и решил, что внезапная атака обеспечит самый лучший и быстрый результат.

– Пэшен, – произнес он резким тоном, снова подходя к работнику, – что задумала твоя жена?

Реакция Пэшена оказалась неожиданной: он ошалело уставился на Джонса, вытаращив глаза, потом судорожно скривил рот и выпалил:

– Если б я знал! Я чуть не помер! Ей-богу, чуть не сдох! А мистер Миддлтон как раз должен вернуться! Я ей говорил, что это бесполезно. «Ничего тут не поделаешь, – сказал я. – Карты не врут». А она! Честное слово, еще совсем малость, и она меня уморит! Я так ей и заявил. Ей-богу, я чуть не сдох. Как собака. И в такую жару! Нельзя же так.

– Расскажи мне об этом.

Пэшен бросил на землю пучок травы, сорвал новый и провел им по бровям.

– Да это все старая чертовка, моя теща, – произнес он. – Я не могу здесь говорить, мистер Джонс. Приходите после чая в «Долговязый парень», там я вам расскажу, если хотите. – И он хитро улыбнулся, предвкушая бесплатный эль.

– Нет-нет, – возразил Джонс, – говори здесь и сейчас. Мы одни. Ты ведь быстро со всем справился. Еще и пяти часов нет. Давай сядем вон под теми вязами, покурим и поговорим.

– Только не под вязами, – покачал головой Пэшен. – Они опасны. Лучше вон под тот дуб. На нем еще нет гусениц, верно?

– Нет, – ответил Джонс, понятия не имевший, когда на деревьях появляются гусеницы.

– А вы не выдадите меня матушке, если я вам расскажу?

– Конечно, нет, – заверил Джонс, решив, что пора ускорить разговор. – Слушай, Пэшен. Я хочу спросить вот что. У вас когда-нибудь был сын?

– Понятное дело. Матушка отдала его.

– Что?

Пэшен хихикнул, довольный тем, что удивил писателя.

– Ну да, а как же. Матушка-то соображает, в этом ей не откажешь, хотя от ееготовки у меня все кишки режет. Короче, она отдала его господам, когда те остались без дитяти. «Вот, возьмите моего», – сказала она мистеру Миддлтону. Так все и получилось.

– А что произошло с ребенком Миддлтонов? – спросил Джонс, заинтересованный этой новой версией.

– Бедняга помер. Потом его похоронили и все такое, а матушка отдала им нашего, чтобы их утешить, потому что они были жутко расстроены.

– И ты не возражал?

Пэшен лукаво покосился на него и ухмыльнулся:

– Нет, не возражал. Он такой же мой сын, как и матушки, а когда пареньку стукнет двадцать один год, мы переселимся к нему и научим, как потратить деньги.

– А он знает, что ты и твоя жена – его родители?

– Нет – пока ему не исполнится двадцать один год. Тогда мы расскажем, что сделала матушка. Он будет благодарен, разве нет?

– Но Миддлтоны не в курсе?

Джонса позабавила эта история, совершенно, на его взгляд, невероятная, и он с любопытством ждал, как далеко пойдет Пэшен. Тот лишь покачал головой и ухмыльнулся. Джонс повторил свой вопрос, однако ничего не добился и решил зайти с другой стороны:

– А что случилось с маленьким Генри Пайком? – спросил он.

– О, с ним...

Пэшен помолчал, посмотрел налево и направо, соорудил гримасу Джонсу, повернулся, скрестил пальцы и прошептал:

– Генри Пайка подменили. Бабка Флюк, вот кто это провернул.

– Неужели?

– Да. Вдова Пайка держала его взаперти сколько могла, да что толку? Все равно пришлось его выпустить, когда он подрос. Разве шкодливого мальчишку удержишь в доме? Ну, он и начал везде бегать, а в деревне все и ахнули. За кого, по-вашему, они его приняли, мистер Джонс?

– Я знаю, за кого, – спокойно ответил писатель. – И, по правде говоря, я думаю, они правы.

– Нет, это вы зря, мистер Джонс, – возразил он. – Потому что матушка отдала им нашего паренька. Нет, Генри Пайк – не сын мистера Миддлтона, если вы об этом. Он похож на Миддлтонов, правда, потому что он не человек. Его отдали вдове Пайк взамен маленького Миддлтона, когда тот умер. Но теперь это неважно.

– Почему?

Пэшен бросил на него хитрый взгляд, придвинулся ближе и прошептал едва слышно:

– Матушка сказала, чтобы я вам не говорил.

Джонс достал шесть пенсов, но дурачок покачал головой. Тогда Джонс добавил еще шесть. Пастух взял обе монеты и произнес:

– Тот Миддлтон, что умер, был младший в семье.

– И?

– Говорят, что тот мистер Миддлтон, которого считали пропавшим без вести, возвращается домой.

Он пробормотал эту фразу себе под нос, словно желая убедиться, что все объяснил правильно, и повторил то же самое вслух.

– Да? – сказал Джонс, стараясь сохранить заинтересованный вид.

У Пэшена уныло обвисла нижняя губа.

– Вы правда хотите, чтобы я сказал?

– Конечно. Продолжай.

– В прошлый раз мне было плохо, когда умер мистер Миддлтон. А потом нормально – до сегодняшнего дня. Разве это не странно? По-моему, странно.

После разговора с Пэшеном Джонс вернулся домой и нашел миссис Пэшен возле чайника, который, как она хмуро заметила, вскипел двадцать пять минут назад. Он пристально взглянул на свою экономку, но ее тяжелое бледное лицо, как всегда, не выражало никаких эмоций, а тусклые глаза смотрели куда-то сквозь него. Джонс развернулся и ушел в гостиную. Через пару минут к нему присоединилась миссис Пэшен. Плюхнув на стол поднос с чаем, она поставила рядом молоко и сахар – хотя раньше сама добавляла их в чашку, – и с упертыми в бока руками встала перед створчатым окном, глядя на распаханное поле.

Джонс решил, что она заметила старую миссис Флюк со своей мотыгой, и проследил за ее взглядом, но за окном не было ничего, кроме огромного ворона. Миссис Пэшен мрачно уставилась на птицу и произнесла:

– А, это ты, старый дьявол! Блуждаешь, подобно Люциферу, по лицу земли, вверх и вниз, на запад и восток!

Она еще не закончила беседовать с птицей, когда Джонс услышал сильный шум. Это было похоже на что-то среднее между сельскохозяйственной ярмаркой и испанской фиестой, причем гул нарастал.

– Люди идут жечь пастора, – заявила миссис Пэшен.

Выражение ее лица ничуть не изменилось, однако в голосе прозвучало явное удовлетворение и одобрительные нотки. Джонс резко обернулся и спросил:

– Вы о чем?

– Пусть теперь сам попробует на вкус свою «серу и огонь», – продолжила миссис Пэшен. – Думаю, надо сходить и посмотреть, как его поджарят.

Джонс схватил шляпу и понесся на своих длинных ногах в другой конец улицы, откуда доносился рев толпы. Подбежав к дому священника, он увидел у ворот Нао с дробовиком в руках, а рядом самого викария, который уговаривал японца отложить оружие.

– Что случилось? – крикнул Джонс, перемахнув через низкие воротца с ловкостью и прытью, которых уже давно от себя не ожидал.

– Лучше уходите, мой дорогой друг, – ответил священник. – Кажется, у меня неприятности. Уходите.

– И не подумаю!

Джонс снял шляпу, пристроив ее на куст, пригладил взмокшие волосы, одернул брюки и прислушивался к надвигавшемуся шуму.

– Что они так взбеленились? – спросил он.

– В деревне нет воды. Я сказал, что они могут взять воду из моего колодца, но местных головорезов это не устроило. Они обвинили меня в засухе, а мамаша Флюк разразилась цитатами из пророка Илии, визжа, как Иезавель.

– Разве Иезавель визжала?

Но эту увлекательную беседу прервало появление процессии, показавшейся из-за поворота. В числе самых шумных и горластых ее участников Джонс заметил Пэшена, который, натянув бычью шкуру на пивную бочку, по-дикарски колотил в нее обеими руками. Викарий взялся за голову.

– Господи, кто мог научить этого несчастного дурачка таким сложным ритмам? – вздохнул он. – Я всего мог ожидать, но... Вечно они что-нибудь да выкинут.

– Не беспокойтесь, – успокоил Джонс. – Я поговорю с ними как мировой судья.

– Вы не мировой судья, мой друг.

– Это неважно.

Джонс выступил вперед и, воздев руки над головой, обрушил на головы слушателей потоки гомеровских гекзаметров о Парисе и богине Афродите.

Толпа притихла и молчала до тех пор, пока он не закончил. Неожиданно Нао опустился на колени. В следующий момент сельчан охватила паника – Джонс так и не понял, почему, – и все, вопя и расталкивая друг друга, бросились бежать. Через минуту они очистили улицу и исчезли из виду, оставив посреди дороги неизвестно откуда взявшегося огромного черного кота. Тот спокойно улегся на пыльной обочине и начал вылизывать шерсть. Безмятежный вид животного развеселил Джонса. Некоторое время он разглядывал кота, а потом повернулся к викарию:

– Пожалуй, вам лучше обратиться в полицию, Хэллем.

Священник покачал головой:

– Они просто расстроены. Я молюсь о дожде, а его все нет.

Оба посмотрели на пустое небо. Джонс пожал плечами.

– По-моему, дело серьезное. Даже очень. Или вы не верите, они могут причинить вам вред?

– Меня это не волнует, хотя я знаю, что могут. Наверное, мне следует сходить в Неот-Хаус, где, как я слышал, обосновался другой мистер Миддлтон, и выяснить, как у него обстоят дела с колодцем.

– От кого вы это слышали?

– От старой миссис Флюк. Она еще не предсказала вам вашу судьбу?

Глава VI

*«Играет кот на скрипке,
На блюде пляшут рыбки,
Сбежали чашки, блюда,
А лошади смеются».*

С. Маршак. Детский стишок

Через несколько дней миссис Пэшен принесла Джонсу три новости – на завтрак, обед и ужин. Вместо последнего она подала ему вечерний чай.

– Вам это полезнее, – объяснила экономка, и на ее бледном лице появилось нечто вроде легкого румянца.

Первая новость заключалась в том, что мистер Карсуэлл Миддлтон несколько дней назад прибыл в деревню и уже обосновался в двух комнатах своего особняка, хотя его никто не видел, кроме трех Теббаттсов: мужа, жены и сына, прибиравшихся в доме.

– Значит, дело с малышом не выгорело, – заметил Джонс.

– Сэр? – непонимающе взглянула на него миссис Пэшен.

Джонс рассмеялся и принялся за яйца с беконом.

Второй новостью стала неисправность расположенного во дворе насоса, откуда вместо воды потекла густая жижа. Джонс ожидал чего-то подобного и лишь недовольно покачал головой.

– Боюсь, вам придется отменить утренние ванны, сэр, – сухо добавила миссис Пэшен. – В такое время хоть наспех умыться – и то хорошо.

– Лучше я перестану пить чай, – вежливо заметил Джонс. – Пиво вкуснее, как говорят в рекламе.

Третья новость оказалось жалобой. Миссис Пэшен, громко дыша, молча нависала над Джонсом, пока он нехотя поглощал ее густое варево из говядины и овощей – видимо, того же сорта, что и та дрянь, от которой чуть не «сдох» ее супруг, – и три бутерброда с клубничным джемом, приготовленным накануне «специально для него», как с самодовольной ухмылкой сообщила ему экономка. Наконец он поднял голову и спросил ее, чего она хочет.

– Совет от джентльмена, мистер Джонс, если не возражаете, – ответила миссис Пэшен.

– Вот как? – пробормотал он, немного удивленный подобной скромностью.

Правда, слуги и раньше спрашивали у него совета. Если у этой женщины возникли какие-то сомнения, а ее полоумный муж ничем не мог помочь, то, естественно, она обратилась к нему.

– Да, сэр, если вы не против. Просто эта старая ведьма, теща Пэшена, наслала на меня заклятье.

– Ну да, конечно. Я слышал об этом у викария, – улыбнулся Джонс, которого забавляло, как тщательно миссис Пэшен избегала упоминать о своем кровном родстве с миссис Флюк.

– Нет, я не про то заклятье, мистер Джонс. Про другое, – возразила экономка. – Жуткая вонь.

– Что?

– Жуткая вонь, мистер Джонс.

– Глупости, миссис Пэшен! Это сточные канавы.

– В Саксон-Уолл нет сточных канав, сэр!

– Ну, вы поняли, о чем я. Дело в нехватке воды. Поэтому все и воняет. Ужасный запах. Нам повезет, если не начнется эпидемия. Вы понимаете? Никаких заклятий не существует.

– Да, мистер Джонс, – кивнула миссис Пэшен.

Ее голос и выражение лица напомнили ему негритянских студентов, которым он однажды читал лекции в Америке. Они так же вежливо, почти угодливо соглашались со всеми его утверждениями, но при этом оставались при своем мнении. Он решил, что должен вступить за здравый смысл.

– На свете не существует магии, миссис Пэшен. Все эти порчи, заклятья и проклятья – полная чепуха.

– Да, мистер Джонс. Как та Аэндорская волшебница, что вызвала дух Самуила.

Ее голос по-прежнему звучал вежливо и дружелюбно. Джонс посмотрел на нее с упреком. Миссис Пэшен снова взяла кусок сахара, обмакнула в воду и засунула в рот. Но на сей раз она не хихикнула, а бросила на Джонса такой похотливый и нахальный взгляд, что тот возмущенно кашлянул и поспешил выйти из-за стола.

Но миссис Пэшен еще не закончила.

– Куда ни пойду, везде эта вонь. Просто воротит! А я тщательно моюсь. В последний раз – даже с ароматным мылом. Когда я принесла вам завтрак, вы чувствовали запах? Или в обед? Или сейчас, когда я подаю чай?

– Нет, – буркнул Джонс.

– Вот видите! А я везде его чувствую. Куда я, туда и он. Что мне делать? Говорят... – Онаostroила ему глазки. – Говорят, что если найти какого-нибудь высокого джентльмена и пойти с ним на те развалины за домом викария, и чтобы там он прочитал тебе стихи... Только где мне найти такого джентльмена?

– Понятия не имею. – Джонс уставился в свою тарелку и спросил: – Кстати, кто такой мистер Карсуэлл Миддлтон?

– Разве Пэшен вам не говорил?

– Ну, он сказал, что... – Джонс вспомнил, что именно сказал Пэшен, и замолчал, представив ей самой закончить фразу.

– Мистер Карсуэлл Миддлтон – родной брат мистера Хэнли, который скончался через три недели после того, как похоронили его жену.

– Все произошло внезапно, не правда ли? – небрежно произнес Джонс.

Миссис Пэшен с подозрением уставилась на него:

– Бедный джентльмен сильно заболел. Тяжело заболел. Печальная история, да, печальная.

– Наверное, по нему горевала вся деревня, – предположил Джонс.

Экономка мрачно всмотрелась в его лицо, но писатель остался невозмутимым.

– В этом вся проблема с образованными джентльменами, – пробормотала она. – Никогда не поймешь, что они думают на самом деле.

Вид у нее был настороженный и раздраженный. Не будь у нее такое глупое и бесчувственное лицо, Джонс решил бы, что она нервничает.

– Да ладно вам, – улыбнулся он. – В деревнях всегда горюют, когда умирает местный помещик, разве нет?

– Вероятно, – ответила миссис Пэшен. – Но я скажу так. Были те, кто обрадовался его уходу, были те, кто хотел бы, чтобы он вернулся, и были те, кто держал свои мысли при себе и смотрел в оба, а по ночам запирали дверь покрепче.

– Замечательно, – усмехнулся Джонс.

Когда она ушла, он еще час или два сидел, обдумывая их разговор и переваривая ужин. В смертях Миддлтонов, безусловно, есть нечто странное, рассуждал он. И вряд ли можно сомневаться, что миссис Пэшен подменила детей, а миссис Пайк, вольно или невольно, воспитывала чужого ребенка.

Наконец он встал и отправился к викарию. Когда произошли все эти события, Хэллему еще не было в деревне, но до него могли дойти какие-то слухи. Возможно, он сумеет пролить свет на обстоятельства этого темного и загадочного дела.

– Послушайте, Хэллем, – сказал он, едва войдя в дом, – надеюсь, со смертями миссис и мистера Миддл-тона все было в порядке?

– В порядке? – озадаченно переспросил викарий. – В каком смысле?

– Не знаю, в каком, и не хочу об этом говорить, но... разве у доктора не возникло никаких вопросов?

Священник взглянул на него исподлобья:

– Вряд ли. По крайней мере, я не слышал о расследовании. А его всегда назначают, если у доктора появляются сомнения. Разве по поводу Миддлтонов велось какое-то следствие?

– Нет, – ответил Джонс. – Как раз это и странно.

– Честно говоря, я мало что о них знаю, – добавил Хэллем. – Меня не было здесь в то время. Кажется, это очень грустная история. Они были еще совсем молоды, не правда ли?

– Да, вас тут не было. Как и Корбеттов, которые к тому же настолько пристрастны, что их показания никто не примет всерьез. В жизни не видел столь предубежденных людей. И обеих сестер, да поможет им Бог, тоже не было в деревне, поэтому все, что они могут рассказать, – это сплетни и слухи, услышанные от людей вроде тех же Корбеттов.

– Бердси вам тоже не подойдет, – заметил Хэллем. – Его ферма в трех милях от деревни.

– Как насчет сектантов?

Викарий покачал головой:

– Старший методист приехал только в прошлом году. У них ротационная система. Баптистский пастор появился после меня, а парни из Армии спасения вообще долго не сидят на месте. Там вы ничего не узнаете. А почему бы вам не поговорить с нынешним доктором? Правда, его не было тут девять лет назад, когда умер мистер Миддлтон, но, может, его предшественник ему что-нибудь рассказал. Да и что вы вообще задумали? Зачем вам это нужно?

– Предшественник умер или на пенсии? – спросил Джонс, не ответив на его вопрос.

– На пенсии. Но не исключено, уже и умер. Кажется, он уехал в Танбридж-Уэллс.

– Отличное место.

– Так к чему вы все-таки клоните? – спросил Хэллем.

– Я клоню к тому, что Миддлтонов убили, – заявил Джонс и, прежде чем викарий успел возразить, добавил: – Чтобы миссис Пэшен могла подменить их ребенка на своего.

– Но...

Писатель поднял руку:

– Более того, я считаю, что нынешний мистер Миддлтон находится в смертельной опасности с той самой минуты, как вступил на землю Саксон-Уолл.

Викарий рассмеялся и вздохнул с облегчением.

– Сразу видно, что вы романист, – заметил он.

Джонс усмехнулся:

– Вы думаете, что я несу чушь. Но послушайте, что говорил мне Пэшен не далее как вчера днем. Во-первых, он заявил, что снова заболел, и обвинил в этом свою жену. Во-вторых, связал данный факт с возвращением старшего мистера Миддлтона в свое поместье. В-третьих, признал, что миссис Пэшен отдала их маленького сына. В-четвертых, заверил меня, что ребенок Миддлтонов умер, во что я, впрочем, не верю. В-пятых, заявил, что он и его жена собираются шантажировать мальчика, который носит сейчас фамилию Миддлтон, как только тот достигнет совершеннолетия. И наконец, в-шестых, что особенно важно, он сообщил, что его нынешняя болезнь очень похожа на ту, от которой он страдал перед смертью миссис и мистера Миддлтон. Что вы об этом думаете? Вам это ни о чем не говорит? Разве это не похоже на грязную и отвратительную махинацию?

Священник почесал щеку.

– Звучит неоднозначно, – осторожно ответил он.

– Перестаньте! Неужели вам не кажется странным, что мистер и миссис Миддлтон умерли так вовремя?

– Вовремя для кого?

– Вы признаете, что миссис Пэшен подменила детей и это можно доказать?

– Я признаю, что она могла подменить детей, но что до доказательств...

– Она не сумела бы подменить их, если бы мистер и миссис Миддлтон были живы. Вот что, по-моему, произошло, – продолжил он, не дав викарию закончить. – Миссис Миддлтон умерла во время родов, а миссис Пэшен, которая, вероятно, была у них нянькой, увидела в этом шанс и решила им воспользоваться. Она отравила мистера Миддлтона – скорее всего, мышьяком – и поменяла детей. А чтобы немного усложнить дело, передала украденного младенца Миддлтонов миссис Пайк, у которой умер ребенок, и похоронила мертвого малыша под собственным именем – Пэшен.

– Умершее дитя действительно похоронили под фамилией Пэшен, – произнес Хэллем. – В церковном дворике есть деревянный крест.

– Короче говоря, вот в чем я обвиняю миссис Пэшен. Она убийца и похитительница детей. Вопрос в том, что мы можем с этим сделать?

– Ничего, мой друг, – помолчав, ответил викарий. – Пока вы не эксгумируете тело Миддлтона, все это пустые слова. Да и в любом случае это не вернет его к жизни.

– Да, вы правы, – кивнул Джонс.

Он вышел от викария, все еще размышляя об этом деле, и по пути домой заглянул к доктору Мортмэйну.

– Кревистер? Да, у меня есть его адрес.

– Спасибо, – произнес Джонс, записав его в блокнот.

– Надеюсь, вы не собираетесь сбежать к другому доктору, – улыбаясь, заметил Мортмэйн.

Джонс усмехнулся. Внезапно он вспомнил, что викарий говорил о враче.

– Я слышал, вас тут боятся, – сказал он, и в его голосе прозвучали язвительные нотки.

Мортмэйн громко рассмеялся:

– Но все-таки не так, как вас! Говорят, вчера у викария вы обрушили на деревенских депутатов демонские проклятия? Правда, что местные жители боятся смотреть вам в лицо?

– Их бегство стало для меня полной неожиданностью, – пожал плечами Джонс. – Разве это не у миссис Флюк репутация человека с дурным глазом?

– Да, если верить слухам.

– Одного дурного глаза на деревню достаточно.

– Вполне, – согласился Мортмэйн. – Кстати, что там за история с Миддлтоном, появившимся вдруг в Неот-Хаусе?

– А, вы уже слышали? Это правда?

– Похоже, что да. Кто-то говорил с Теббаттсом, который следит теперь за домом вместо прежнего сторожа, родственника Бердси. Теббаттс сообщил, что новый хозяин уже въехал. Я так и думал, что рано или поздно он здесь появится и поселится в поместье. В смысле – младший из близнецов.

– А разве не старший? Ладно, в любом случае спасибо за адрес Кревистера. Я хочу спросить его, от чего умер Хэнли Миддлтон.

– От перитонита, – ответил Мортмэйн. – Кревистер мне говорил. Сам он не считал, что операция чем-нибудь поможет, но все-таки ее сделали.

– И пациент умер в результате операции?

– Вряд ли операция могла что-либо изменить. Кревистер сказал, что он был уже не жилец. Да, я помню, мы это обсуждали, когда я приехал сюда. Между прочим, – уж простите за такое замечание, – это самый замшелый и упертый старый хрыч, какого только можно представить. Не слушайте его советов, чем бы вы ни заболели.

Джонс рассмеялся.

Глава VII

«– Карандаш, – попросила она и поднесла его поближе к глазам, чтобы убедиться, что кончик острый.

Потом, шагнув назад, огляделась по сторонам, проверяя, все в ли в порядке, и вдруг хлопнула себя по лбу.

– Черт, а промокательная бумага! – воскликнула она».

Энтони Бертрам. Мститель

После Винчестера дорога сложилась как нельзя более удачно, и уже в третьем часу Ганнибал Джонс благополучно добрался до библиотеки, успев отдохнуть и пообедать у своей тетушки.

Доктор Кревистер, выйдя на пенсию, жил в маленьком, уютном и довольно уединенном доме, который Джонс нашел без труда. Дочь Кревистера, женщина лет сорока пяти, вела хозяйство для него и для его брата, тоже врача. Она сразу узнала Джонса и по имени, и по внешнему виду: по имени, поскольку являлась поклонницей его творчества, и по виду, потому что видела его фото, приложенное к одному из газетных интервью.

После нескольких общих фраз Джонс объяснил цель своего визита. К счастью, память у дочери оказалась лучше, чем у ее отца.

– Ты, конечно, помнишь Миддлтонов из Саксон-Уолл? Я принесу твой журнал за этот год. Когда это было, мистер Джонс, девять лет назад?

– Девять или десять, – ответил он.

Быть знаменитостью порой полезно, подумал Джонс. Вряд ли какой-то другой любитель наводить справки мог рассчитывать на столь радушный прием и надеяться, что люди с вниманием отнесутся к его капризам. Несколько минут он просидел со стариком, обсуждая последний международный матч по крикету, пока дочь не вернулась с книгой.

– Думаю, это он, – сказала дочь, протянув журнал отцу.

У доктора ушло немало времени, чтобы найти нужные Джонсу сведения, потому что он постоянно наталкивался на знакомые фамилии, которые вызывали в его памяти разные интересные случаи: рождения, смерти, необычные болезни и чудесные выздоровления, – и считал своим долгом посвятить в них своего гостя.

Наконец доктор добрался до Констанции Миддлтон.

– Заражение крови. Да, да, я помню. Грустная история. Я бы даже сказал – безобразная. Здоровый младенец, и вдруг – совершенно необъяснимая небрежность со стороны сиделки. Наверное, она была очень расстроена, но и я тоже! Все произошло буквально на ровном месте. Не возникло ни малейших осложнений. А потом из-за чьей-то глупой халатности молодая мать подхватила родильную горячку. Возмутительно. Просто возмутительно.

Он с досадой пощелкал языком, словно безвременная кончина Констанции Миддлтон вызывала у него столько же сочувствия, сколько раздражения и гнева.

– Вы правы, – кивнул Джонс. – А когда... заболел ее муж? Вы можете об этом рассказать? Мы должны установить идентичность, – добавил он, надеясь, что эта туманная формулировка поможет ему объяснить свою настойчивость.

– Ах, да, ее муж. Это было довольно странно. Меня вызвала одна из служанок, кажется, ее звали Пайк, – кстати, именно она ухаживала за миссис Миддлтон, поэтому от нее вполне можно было ожидать еще какой-нибудь чудовищной безалаберности вроде той, что привела к родильной горячке... Нет, теперь, конечно, поздно об этом говорить. В общем, меня вызвали в ее дом к больному, который, скажем так, явно нуждался в операции. Тогда я послал в соседний город... как он там называется?

– Стаухолл, – ответил Джонс.

– Да, верно. Так вот, из города приехал хирург, доктор Литтл. Нечего было и думать о том, чтобы везти мужчину в больницу, поэтому меня поразило, когда... Впрочем, неважно. Короче говоря, я не особенно удивился, что он умер. Тяжелый случай ущемленной грыжи и, как следствие, острый перитонит. Но вот что странно – когда я навестил его в следующий раз, он исчез.

– Как? – воскликнул писатель.

– Бесследно. Мы искали его повсюду и нашли – где бы вы думали?

– Понятия не имею, – ответил сильно взволнованный Джонс.

– В Неот-Хаусе. Это был вовсе не Пайк, а Миддлтон, оказавшийся в доме Пайков. Как вам это нравится?

– Миддлтон... А у него... у него были обычные симптомы? – спросил Джонс, проклиная себя за незнание медицинских терминов.

– Обычные? Черт возьми, да у него были все возможные симптомы! Тошнота, рвота, дрожь в конечностях, сильная боль, быстрое и неровное дыхание, колени, воткнувшиеся чуть ли не в подбородок, высокая температура – все, что можно найти в медицинском справочнике. Доктор Литтл сделал операцию, но пациент умер. Меня это ничуть не удивило.

– Огромное спасибо, – пробормотал Джонс. – Не стану больше вас задерживать.

– Мистер Джонс, неужели вы не останетесь на чай? – почти взмолилась дочь доктора. – Мы подадим его немедленно, если вы торопитесь.

В результате Джонс остался на чай, а затем подписал все свои книги, какие нашлись в библиотеке мисс Кревистер. Когда он собрался уходить, доктор вдруг хлопнул ладонью по столу и воскликнул:

– Вот что я забыл вам сказать! Все время собирался, да так и вылетело из головы.

– Да? – Джонс, которому предстоял долгий путь домой, торопился уйти, однако изобразил заинтересованность. – О чем вы забыли, доктор? Весьма любопытно.

– Любопытно или нет, решайте сами. Буквально на следующий день после смерти больного я получил записку от доктора Литтла: «Сожалею о смерти пациента. Значит, операция уже не требуется».

– Что он имел в виду?

Доктор усмехнулся:

– Не имею ни малейшего понятия. Больше мы с ним не общались.

Джонс, только что спешивший покинуть дом, теперь страстно желал остаться и услышать всю историю. Он спросил нарочито небрежным тоном:

– Можете рассказать немного подробнее, сэр? Когда доктор Литтл оперировал Миддлтона – а это действительно был Миддлтон, не так ли? – вы тоже находились в комнате?

– Разумеется. Я помогал делать анестезию.

– Но... послушайте, доктор, это звучит необычно. Вы раньше были знакомы с доктором Литтлом?

– Нет. Я просто позвонил в больницу и попросил прислать врача.

– Значит, прежде вы его не видели?

– Нет, мы с ним ни разу не встречались. Да и потом, в этой хирургической маске...

– То есть при желании кто-то другой мог выдать себя за доктора Литтла? И вы бы его не узнали?

– Конечно, но с какой стати и кому понадобилось бы это делать? К тому же операция была выполнена профессионально. Отличная работа.

– Вот как?

– Да, просто блестящая. Кстати, именно доктор Литтл поставил диагноз «перитонит».

– И вы постоянно находились рядом с ним?

– Естественно.

– А в каком состоянии был пациент – надеюсь, вы уверены, что это был Миддлтон? – когда вы собирались сделать анестезию? Что он чувствовал?

– Боль. Очень сильную, с постоянной рвотой. Мне казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Я сказал доктору Литтлу, что операция вряд ли уместна. Больной практически обречен. Однако он настоял на своем, и мы сделали анестезию. Но не странно ли, что потом доктор Литтл забыл про эту операцию?

– Очень странно, – согласился Джонс. – Может, он получил сообщение о том, что пациент умер и операция больше не нужна?

– Вы хотите сказать, что это у меня не в порядке с головой? Я же объяснил: доктор приехал из города и сделал операцию.

– Да, да, я понял. Я не это имел в виду, – пробормотал Джонс. Его охватила беспомощность. Он неловко добавил: – Просто это действительно очень странная история, доктор.

Вскоре ему в голову пришло простое объяснение, которое повергло его в уныние. Вероятно, доктор Литтл страдал от особой формы амнезии, описанной Фрейдом и другими психиатрами, которую можно выразить словами: «Не напоминайте мне о том, что я хочу забыть». Сделанная им операция закончилась неудачно, и он подсознательно выбросил ее из памяти, поскольку воспоминание о ней причиняло ему боль. Отсюда и его записка доктору Кревистеру.

Но исчезновение Пайка в любом случае представляло огромный интерес. Это был явный намек на преступные действия, направленные против Миддлтона. Джонс решил, что должен поговорить с миссис Пайк и выяснить, в каком состоянии находился ее муж, когда она отправилась за помощью к доктору Кревистеру. Если бы только можно было доказать, что Пайк страдал от аппендицита – или от отравления мышьяком!

Он глубоко погрузился в свои мысли, из которых его вывел громкий возглас доктора Кревистера:

– Кстати, вы были правы, мой друг!

– В чем именно? – спросил Джонс.

– В том, что спросили меня, уверен ли я, что пациентом был мистер Миддлтон. Дело в том, что до того, как меня позвали к миссис Пайк, я никого из них не видел.

– Ни Пайка, ни Миддлтона?

– Ни того, ни другого. А поскольку их симптомы оказались абсолютно идентичными...

Джонс уставился на собеседника:

– Вы хотите сказать, что это все-таки был Пайк?

Доктор Кревистер покачал головой:

– Но как это возможно? Операцию-то делали в Неот-Хаусе. Вы меня совсем запутали, молодой человек!

Глава VIII

*«Все в нем сгнило и разрушилось от носа до кормы».
Из отчета 1852 года о линкоре «Уорриэр»*

Все еще размышляя о таинственном исчезновении Пайка и о странном сходстве его симптомов с болезнью Хэнли Миддлтона, Джонс к половине десятого добрался до домика викария, надеясь на его помощь и содействие по поводу нового владельца Неот-Хауса.

Однако время для визита оказалось крайне неудачным, поскольку викарий, замотавшись в толстый шарф и прикладывая к левой стороне лица нагретый камень, простонал глухим от боли голосом, что у него жуткая невралгия и он вряд ли в состоянии принимать гостей. Вид у него был такой мрачный и убитый, что Джонс, всегда готовый посочувствовать страждущим, почти раскаялся в том, что явился в столь неподходящий час. Его немного удивило, что приступ невралгии оказал такое сильное действие на Хэллему – тот был буквально сам не свой, – но рассудил, что никто не застрахован от плохих дней.

– Зачем вы пришли? – помолчав, спросил викарий.

Джонс коротко рассказал о визите к доктору Кревистеру.

– Не понимаю, почему вы вмешиваетесь? Это не имеет к вам никакого отношения, – раздраженно буркнул священник сквозь намотанный шарф.

– А как же мистер Карсуэлл Миддлтон? Я не могу просто стоять в стороне и смотреть, как его сведут в могилу, – возразил писатель.

– Разумеется, не можете. Но для чего кому-то сводить его в могилу?

Джонс нетерпеливо ответил:

– А разве он не унаследовал поместье? Что станет с молодым Миддлтоном-Пэшеном теперь, когда вернулся его пропавший дядюшка? А если тот к тому же женат и у него собственные дети...

– Он холост! – перебил викарий. – Миссис Гэнт слышала об этом от миссис Теббаттс, экономки, которую он привез с собой.

– Что ж, хоть какие-то новости!

– В общем, вам лучше успокоиться и умерить свое воображение, – заключил священник.

– Воображение тут ни при чем, – возразил Джонс. – Все просто, как дважды два четыре. Дело Миддлтона плохо пахнет, и я намерен выяснить правду, прежде чем уеду из деревни.

– Вся деревня плохо пахнет, – заметил викарий, неожиданно хихикнув. – Но убийство тут ни при чем. Убийство – это слишком просто. Вы и понятия не имеете, что тут творится. О, можете мне поверить!

– Правда? – спросил Джонс, внимательно взглянув на него.

Викарий заморгал, его речь стала хриплой и невнятной. Он начал говорить о местной содомии, и рассказ лишил Джонса дара речи. Как писателя его трудно было чем-либо удивить, но явное удовольствие, с которым священник смаковал детали, вызвало у него отвращение.

– И вот теперь эта старуха Флюк, – заключил викарий. – Отрубила голову петуху и залепила его перьями дверь в моем летнем домике. Я не могу в него войти.

– Не можете войти? – удивился Джонс.

Он машинально схватился за каминную полку, догадываясь, что ему совсем не понравится ответ Хэллему.

– Нет! – почти взвизгнул викарий, повысив голос. – Не могу войти!

Хэллем вдруг громко рассмеялся и ударил себя кулаком в грудь. Джонс подскочил к нему, прижал к кровати и позвал японца. Тот с почтительным видом появился в комнате и встал, скрестив руки на груди. Викарий лежал тихо.

– Принесите воды! – крикнул Джонс. – Ваш хозяин болен!

– Только не воды, – вежливо произнес дворецкий. – Вода плохая. Нашествие лягушек. Все лягушки мертвые. Вода очень плохая, когда лягушки мертвые. Лягушки отравлены, вода тоже. Хозяина отравили, вот что я думаю.

Замечание о лягушках, кажется, оживило пастора. Он убрал руку Джонса, сел в кровати и прохрипел, приложив ладонь к больной щеке:

– Лягушки, может, и отравлены, а вода – нет.

– Конечно, нет, – подтвердил Джонс успокаивающим тоном.

Викарий снова рассмеялся, на сей раз естественно, однако его голос по-прежнему звучал как чужой.

– Нет-нет, правда. Мой колодец слишком глубокий, чтобы в него могли попасть дохлые лягушки. Если они там появились, значит, кто-то убил их раньше, чем они оказались в колодце, – объяснил он.

– Понятно, – кивнул Джонс. – Что ж, давайте осмотрим колодец.

Даже в наступивших сумерках зрелище было неприглядным. На краю колодца валялось десятка два распухших лягушачьих тел с вздутым брюхом и растопыренными лапами. Сидевший рядом фокстерьер Хэллеме тарасился на них, повернув голову набок. Увидев священника, он сердито зарычал. Нао подхватил его на руки и унес, оставив Джонса разглядывать лягушек.

– Отвратительно! – воскликнул Джонс.

Викарий сходил в сарайчик и принес садовую лопату. Не говоря ни слова и без малейших признаков брезгливости, он выкопал в ближайшей клумбе яму, собрал в кучу лягушачьи трупы и зарыл их в землю, деловито поправляя мешавший ему шарф.

– Вам нужно отдохнуть, – заметил Джонс, когда они вернулись домой. – Не хотите сходить к врачу или взять отпуск?

Викарий покачал головой:

– Нет, со мной все в порядке. Я знаю, чьи это фокусы. Так миссис Флюк напоминает мне о том, что пора молиться о дожде. Лягушки – ладно, но перья – это уж чересчур. Я жил в Вест-Индии и видел много странных вещей.

– Переночуйте сегодня у меня, – предложил Джонс.

– Нет, спасибо. Все это из-за жары. Постараюсь поменьше напрягаться пару дней. Беспокоиться не о чем.

Странно, но он смотрел на Джонса так, словно ненавидел его всей душой. Писатель ответил терпеливой улыбкой и вышел за ворота, где постоял немного, дожидаясь, пока викарий вернется в дом. Потом он быстро и бесшумно подбежал к летнему домику. В тусклом свете сумерек поперек двери тянулась грязная бечевка, обвешенная перьями. Джонс сорвал бечевку, скомкал ее вместе с мерзко пахнувшей гирляндой и засунул в карман пиджака. После этого развернулся и спокойно отправился домой.

У него не было обыкновения запираť двери на ночь. Не стал он делать этого и теперь, несмотря на неприятный холодок в спине. Раздевшись в почти полной темноте, Джонс распахнул окно – миссис Пэшен всегда закрывала его во время уборки, – взглянул на темные поля у Гутрум-Даун и отправился спать. Уже в полусне он услышал на крыльце чьи-то шаги. Сразу очнувшись, Джонс сел в кровати, сжимая в руке скомканное одеяло. Помолчав минуту, крикнул с нервной дрожью в голосе:

– Эй, кто здесь?

В ответ раздался тихий смешок. Джонс похолодел. Он выскочил из кровати, схватил свечу и чиркнул спичкой. Дверь медленно приоткрылась, и в темном проеме появилось белое как смерть лицо женщины, которая вошла в комнату и остановилась, молча глядя на Джонса. Она была в строгой черной шляпе, мужском плаще и фермерских сапогах.

– Боже милостивый! – воскликнул он.

В следующий миг женщина игриво дунула на свечу и, обвив руками шею Джонса, повисла на нем всей массой своего крупного тела. Под этим мощным грузом ошарашенный Джонс начал отступать к кровати. Он рывком оторвал ее руки от шеи и с трудом вырвался из клинча.

После этого вновь зажег свечу и мрачно уставился на гостью. Она тяжело сползла по стене и села на пол, раскинув руки и ноги в непомерно огромных сапогах. Голова ее свесилась на грудь, но глаза продолжали смотреть на него исподлобья с хитрым и блудливым огоньком. Затем веки томно опустились, и она сунула большой палец в рот. Джонс схватил женщину за лодыжки и резко рванул вперед, заставив примерно на полфута отъехать от стены. Зайдя сзади, он подхватил ее под мышки и, кряхтя от напряжения, попытался поставить на ноги. Но женщина всем телом обвисла на его руках и не сдвинулась с места. Истекая потом, Джонс подтащил ее к двери и вытолкнул на крыльцо.

– Домой! Иди домой! – крикнул он и, с силой захлопнув дверь, задвинул засов.

В голове у него мелькнуло, что кто-нибудь мог видеть этот ночной визит, но сейчас ему было безразлично.

Джонс взглянул на часы: почти одиннадцать. Женщина продолжала сидеть на крыльце: за дверью попеременно слышались то плач, то смех. Вскоре раздались удалявшиеся шаги. Задув свечу, он приблизился к окну и увидел, как ее темная фигура, словно тень, скользит по саду. Когда вдалеке скрипнули садовые ворота, Джонс запер все окна и двери на террасе. Перед тем как заснуть, он успел подумать, что его гостя, вероятно, была попросту пьяна. Интересно, как она будет чувствовать себя завтра утром, вернувшись домой?

Он еще спал, когда деликатный стук в дверь объявил о приходе миссис Пэшен. Джонс, как обычно, умылся под насосом и, проходя мимо кухни, заглянул в дверь. Миссис Пэшен приветствовала его неуклюжим реверансом. Ее шляпка была на месте, но вместо повседневной обуви сегодня красовалась пара черных туфелек из дешевой кожи, разукрашенных замшевой тесьмой. Весь остальной костюм смотрелся как нельзя более чинно, сдержанно и скромно. Такой и должен быть у деревенской женщины, соблюдающей приличия. Лицо было невозмутимо, а взгляд блуждал по сторонам. Джонсу невольно пришло в голову, не померещилась ли ему вся эта ночная история. Неужели она действительно явилась к нему в дом посреди крошечной ночи? Он покачал головой. Ему нестерпимо хотелось поговорить о вчерашнем эпизоде.

– Как сегодня ваша голова, миссис Пэшен, не болит? – осведомился он.

Она уставила на него свои коровьи глаза.

– Вы слышали новость, мистер Джонс?

– Новость? – Он сразу подумал о викарии и его вконец издерганных нервах. – Мистер Хэллем? – спросил он.

Миссис Пэшен покачала головой. Черные перья и блески на ее шляпке тоже качнулись.

– Не викарий, сэр. Мистер Карсуэлл Миддлтон.

– Надеюсь, он...

– Мертв, сэр. Да, мистер Джонс. – Последовала пауза, – писатель успел судорожно вздохнуть, – и она добавила: – Вчера ночью, примерно часов в одиннадцать.

Глава IX

«Murdratus est»³ – возглашает более возвышенный язык готических веков».

Томас де Куинси. Убийство как одно из изящных искусств

В половине седьмого эконома мистера Карсуэлла Миддлтона вызвала полицию, а в девять часов у Джонса появился доктор Мортмэйн.

³ Одно из слов в латыни, обозначающее «убийство».

– Из Стаухолла только что приехал инспектор полиции, – сообщил он. – Миддлтону убили. Скорее всего, кочергой. Экономка, женщина из Лондона, нашла его тело в шесть утра и позвонила в полицию. Смерть наступила между половиной одиннадцатого и четвертью двенадцатого. Это время назвали экономка и ее сын, и оно совпадает с данными полиции. Сам я труп не видел, но Теббатсы – они до последнего времени работали у родителей покойной миссис Миддлтон – утверждают, что Миддлтон поднялся в свою спальню в половине одиннадцатого. Было еще рано, поэтому они обратили на это внимание и запомнили время. Без четверти одиннадцать экономка и ее муж тоже отправились спать, но их сын, парень лет шестнадцати, остался в комнате для прислуги, чтобы дочитать книгу. Примерно в четверть двенадцатого он закончил чтение и пошел к себе. Парень был уверен, что хозяин мирно спит в своей кровати, и решил тайком пробраться в гостиную – стянуть пару пирожных из буфета. Однако, еще не войдя в комнату, он, к удивлению, обнаружил, что Миддлтон вовсе не наверху. По его словам, хозяин дома лежал на кожаном диванчике лицом вверх, свесив одну руку и подогнув колени, как бывало раньше, когда он отдыхал или читал. Кстати, еще они увидели на полудохлого кота – в очень скверном виде.

– И парень вернулся к себе, не сказав ни слова Миддлтону? – предположил Джонс.

– Именно так. Но есть одна странность. Лужица крови, образовавшаяся на полу в том месте, где Миддлтон упал на каминную решетку и раскроил себе голову после мощного удара, находилась в десяти футах от диванчика, где его обнаружили. Конечно, на диванчике тоже осталась кровь, но ясно, где именно он упал после того, как его ударили. Удар пришелся по левой части черепной кости и...

– Боюсь, мне это ни о чем не говорит, – вежливо прервал его Джонс.

– Суть в том, что убийца должен был поднять его и переместить на диван, уложив в такой позе, которая не вызывала бы подозрений у любого, кто заглянул в комнату. Это свидетельствует по меньшей мере о двух фактах.

– Первый: преступник знал привычки жертвы, – произнес Джонс.

– Верно. А второй – он обладал большой физической силой. Полагаю, Миддлтон весил дюжину стоунов⁴, не меньше.

– Так много? Значит, убила его не женщина, – заметил Джонс.

– А почему вы подумали о женщине?

Джонс рассказал ему все, что знал о миссис Пэшен.

– Звучит правдоподобно, – промолвил доктор.

Писатель покачал головой.

– Почему нет? – удивился Мортмэйн. – Главное в деле мотив, а у нее он точно был.

– Странно, но если время убийства соответствует тому, что вы называли, я могу предоставить ей железное алиби, – заявил Джонс. – Сколько, по-вашему, занимает путь от особняка Миддлтонов до этого дома?

– Примерно четверть часа.

Джонс покачал головой.

– Двадцать минут, и то, если идти быстро, – возразил он. – Там расстояние более мили, если вы не знали.

– Наверное. А если бежать?

– Миссис Пэшен не бежала.

– Допустим. Однако...

– Вчера вечером она явилась ко мне без десяти одиннадцать, свежая как огурчик, в шляпе, плаще и сапогах, и мне пришлось выставить ее за дверь. Сначала я подумал, что она спятила, но потом решил, что это просто алкоголь.

⁴ Примерно 6,35 кг.

– Без десяти одиннадцать? Вы уверены?

– Да.

– Но...

– Это не вписывается в график. Она бы не успела. Миддлтон поднялся наверх в половине одиннадцатого. Значит, ей нужно было спуститься вместе с ним в гостиную, убить его, перетащить тело на диван, избавиться от окровавленной одежды, вымыть руки и явиться ко мне – и все это за двадцать минут.

– А как она была одета, когда пришла к вам в дом?

– В плащ, сапоги и шляпу.

– Миссис Пэшен? Господи, помилуй!

– Ну да. О чем я и говорю.

– Ее нужно отправить к психиатру.

– По-моему, она была просто пьяна.

– Надо здорово напиться, чтобы вломиться к кому-нибудь в дом в одиннадцать часов вечера.

– Впрочем, если убийство – ее рук дело, своим визитом она могла попытаться получить алиби.

– А зачем вообще подчеркивать факт, что она не спала и была на ногах в одиннадцать часов вечера, как раз тогда, когда произошло убийство?

– Вы правы. – Джонс поскреб подбородок. – Ладно, сдаюсь. Если не возражаете, я бы попросил вас провести Хэллема. Он на грани срыва.

– Неужели?

– Да. Кто-то устроил в его летнем домике фокус в стиле худу, вуду или как там это называется. Взгляните.

Он сходил в спальню и принес бечевку со скомканными перьями.

– Гадость, – поморщился доктор и покачал головой. – Деревенские священники должны быть женаты. От celibата в Англии один лишь вред.

– Вы англичанин?

Доктор улыбнулся:

– Моя мать ирландка.

– А у меня отец – уэльсец.

Оба рассмеялись, и Джонс вернулся к главной теме беседы:

– Насчет Миддлтона, как я понимаю, я вряд ли сумею чем-либо помочь?

– Как раз сможете. Муж его экономки сообщил, что сегодня должен приехать младший Миддлтон, племянник убитого. Их отпустили из школы из-за карантина. Его опекун тут же сплавил своего подопечного старшему Миддлтону, как только тот объявился, так что сейчас, похоже, за ним вообще никто не присматривает. В школе его больше не оставят. Говорят, у него нечто вроде детского паралича. В общем, если вы можете встретить его на вокзале и приютить на денек-другой, пока мы не свяжемся с прежними опекунами...

– Разумеется, – кивнул Джонс.

– Кстати, говорят, викарий вчера был вечером в Неот-Хаусе. Значит, не возражаете?

– Нисколько. Меня это даже взбодрит. Сколько ему лет?

– Девять или десять.

– Когда прибывает поезд?

– Знаете, лучше я встречу его сам и привезу к вам на машине. Покормите его?

– Да, если миссис Пэшен к тому времени не арестуют.

– Спасибо. Значит, я его привезу. Сколько сейчас? Половина десятого? Как раз успею сходить к викарию. До свидания. Я сообщу экономке, что заберу мальчика. Кому не повезло, так это ей и ее мужу. Полиция считает их чуть ли не главными подозреваемыми.

- Неужели?
- Да, хотя ясно, что из-за смерти Миддлтона они ничего не приобрели, а, наоборот, все потеряли.
- Если возникнут сложности, наверно, пришлют кого-нибудь из Скотленд-Ярда?
- Неизвестно.
- Позднее, когда вы будете не так заняты, я хотел бы серьезно поговорить с вами насчет смерти прежнего Миддлтона.
- Сейчас меня гораздо больше интересует смерть нового Миддлтона. И Теббаттсов, уверен, тоже. Бедняга-муж уже слег в постель, он в шоке. Жена ходит бледная как смерть, почти ничего не говорит, а сын, похоже, онемел от страха. Естественно, полиция обыскала весь дом, но полицейский доктор из Стаухолла согласился с моим мнением, что Теббаттсов пока лучше не допрашивать.
- Странно, правда?
- Да, немного подозрительно. По-моему, они ведут себя довольно глупо. Но это не мое дело.
- А что вы скажете об этом? – И Джонс рассказал ему то, что сообщил доктор Кревистер.
- Я слышал эту историю от миссис Корбетт, в «Долговязом парне», – произнес Мортмэйн.
- Вы верите, будто Миддлтон умер от перитонита?
- Похоже на то, судя по тому, что мне рассказала миссис Корбетт.
- А судя по тому, что она рассказала мне, его отравили мышьяком, – возразил писатель. – Сопоставьте это с тем, что случилось с новым мистером Миддлтоном...
- Отравить человека мышьяком и проломить ему голову кочергой – разные вещи, – заметил доктор.
- Формально говоря, да, – согласился Джонс.
- И чисто психологически – тоже, – улыбнулся Мортмэйн. – Между этими убийствами примерно такая же разница, как между женщиной и мужчиной.
- Сходство между двумя полами более фундаментально, чем различия!
- Доктор со смехом хлопнул его по плечу:
- Сразу видно романиста!
- Джонс усмехнулся. Ему нравился доктор, и он с симпатией проводил его взглядом, пока тот шел от крыльца к своей машине. Позднее, при новой встрече, писатель с простодушным видом поинтересовался, что такого человека, как Мортмэйн, могло привести в Саксон-Уолл.
- Они пили пиво в маленькой гостиной Джонса, и доктор, задумчиво посмотрев на свой бокал, ответил:
- Нелегальная операция. Беременность у сифилитички. Меня освободили за недостатком улик.
- Вот, кстати, любопытная тема! – воскликнул Джонс. – Что вы думаете о евгенике и подобных вещах? Меня всегда интересовал данный вопрос. Я затронул его в одном из своих романов, но, кажется, не слишком удачно. Моим читателям нужно что-то более сентиментальное.
- Доктор поднял бокал и, прищулив левый глаз, стал разглядывать на свет светлый янтарный напиток с шапкой пены. Потом покачал головой и мрачно процитировал:

Не генетика правит миром,
А сосиски с холодным пивом.

Глава X

«– Неужели оно совсем не слушается руля? – раздраженно спросил я.

– Нет, сэр, оно медленно, но идет.

– Держать на юг.

– Есть, сэр.

Я зашагал по юту. Кроме звука моих шагов, не было слышно ничего, пока рулевой не заговорил снова:

– На румбе, сэр».

Джозеф Конрад. Теневая черта

Миссис Пэшен занималась уборкой у Джонса только по средам и субботам, поэтому утром, подав ему завтрак, оставила его беседовать с доктором и удалилась. Пробыв там час или два и, очевидно, выполнив какие-то свои домашние дела, к половине двенадцатого она обычно возвращалась к Джонсу и принималась готовить ему обед.

В день, когда убили мистера Миддлтона, между ее утренним и дневным визитом к Джонсу заглянули не менее четырех человек, чтобы сообщить новость. Первыми оказались мисс Харпер и ее сестра, едва разминувшиеся с появившейся позднее миссис Корбетт. За ними последовала Лили Саудолл. Последняя кроме новостей, которые, как она благоразумно предположила, он уже слышал, принесла ему сообщение от доктора.

– Ему не нравится, как выглядит пастор, и он хочет показать его специалисту. Доктор написал вам, что с ним происходит. Вот, смотрите. «Он страдает»... – а дальше непонятное слово. Я пыталась разобрать его, но не получилось. Врачи всегда пишут так неразборчиво, правда?

Это была совсем не та заплаканная девушка, которую Джонс видел у викария после ее ссоры с Корбетт. Он улыбнулся:

– Это чтобы непосвященные не поняли, что они хотят сказать.

Но Лили не оценила его остроумия.

– Что там за слово, сэр? Мама обязательно спросит, когда я вернусь. «Он страдает...»

– ...«галлюцинациями», – сухо закончил Джонс.

Девушка недоуменно посмотрела на него, но он, криво усмехнувшись, молча дал ей шесть пенсов за услугу и вернулся в дом.

У садовых ворот Лили столкнулась с возвращавшейся миссис Пэшен. Проходя мимо, Лили смачно плюнула на дорожку. В ответ на это оскорбление миссис Пэшен отвесила иронический поклон и распахнула для нее ворота.

– Кажется, вы не пользуетесь популярностью у Лили Саудолл, – позднее заметил Джонс.

Миссис Пэшен подняла на него свои черные глаза и произнесла без малейшей иронии в голосе:

– Лили очень хорошо воспитана. Весьма респектабельная девушка.

– Есть новости о смерти мистера Миддлтона? – спросил Джонс.

Миссис Пэшен покачала головой:

– Я была там час назад. В доме полно полиции из Стаухолла. Теббаттсам и их сыну приходится несладко.

– Откуда вы знаете?

Она пожала плечами:

– Слухами земля полнится, кажется, так говорят, сэр?

– Миссис Пэшен, закройте дверь и присядьте на минутку, я хочу с вами поговорить, – распорядился Джонс, повинувшись внезапному импульсу, о котором тут же пожалел.

Она села на краешек стула и сложила руки под передником.

– Вы помните прошлую ночь, миссис Пэшен?

– Не так, чтобы очень, сэр.

– Господи, конечно, помните! – воскликнул Джонс. – Вы... вы находились в моем доме.

– А, вы об этом! И что с того? Все закончилось к взаимному удовлетворению, не так ли?

Растерявшись, писатель неуверенно кивнул. Миссис Пэшен спокойно смотрела прямо на него. Помолчав, она добавила:

– Я сразу поняла, что вы джентльмен. В общем, что было, то было.

– Да, черт возьми, но это требует объяснений, – возразил Джонс. Она ждала продолжения, но писатель только хмуро пробормотал, стараясь выглядеть возмущенным: – Нет, конечно, я все могу понять, если вы напились. Потому что, согласитесь... так не следовало поступать.

– Я не напилась, – мрачно проговорила миссис Пэшен.

Джонс оставил ее слова без комментариев. Через минуту она встала и вышла из комнаты, но в дверях остановилась и спросила, что он хочет на обед.

– На ваше усмотрение, – ответил Джонс. – Кстати, у меня в гостях будет мальчик. Можете приготовить на двоих?

– Хоть на десятерых, если вам угодно, мистер Джонс. Это маленький племянник?

– Маленький племянник, – эхом отозвался писатель и поднял голову, пытаясь сообразить, как она об этом догадалась.

Но ее лицо осталось неподвижным. Джонс взял шляпу, сунул в карман записку доктора и отправился на почту, чтобы отправить телеграмму. Почтальонша с большим интересом взяла бланк с текстом и прочитала его вслух своей дочери Мириам:

*«Брэдли Стоун Хаус Уэндл Парва Бэкингемшир вы здесь очень нужны
Саксон Уолл Гэмпишир любовью Ганнибал Джонс»*

Вторая телеграмма содержала то же самое послание, но адресованное на лондонский адрес миссис Брэдли.

– Каждая будет стоит больше шиллинга, – буркнула разочарованная почтальонша.

Джонс усмехнулся и кивнул.

– Насколько больше? – поинтересовался он.

Почтальонша дважды пересчитала слова в обоих сообщениях, пососала кончик карандаша, набросала какие-то вычисления на промокательной бумаге и взяла с него два шиллинга и семь пенсов. Отсылая телеграммы, она все еще ломала голову над смыслом текста, но тот продолжал оставаться раздражающе темным и непроницаемым как ночь.

Джонс вернулся домой, а через полчаса прибыли доктор с мальчиком. Сходство ребенка с миссис Пэшен было поразительным. Джонс внимательно рассматривал его за обедом. Бледный, с застывшим лицом и темными густыми волосами, крепкий и кряжистый, как молодой бычок, юный гость ел с жадностью, но аккуратно, и его манеры были выше всяких похвал. Он вел себя легко и естественно, обращаясь с Джонсом с той подкупающей непосредственностью, какую мальчишки обычно проявляют к людям, так же, как они, не склонным к лишним сантиментам.

Днем Джонс повел его на прогулку, но миссис Пайк настояла, чтобы сначала они зашли к ней и попробовали ее домашнего пива. Генри Пайк принес им бокалы. Джонс молча переводил взгляд с одного мальчика на другого и вдруг, повинувшись смутному порыву, предложил:

– Генри, бери шляпу, и пойдем с нами.

Они молча направились к Гутрум-Даун, но не успели дойти до рельсовой дорожки, тянувшейся на общинный выгон, как Генри резко остановился и спросил:

– Мама просила меня узнать, видели ли вы тело того джентльмена, мистер Джонс?

– Какого джентльмена, приятель?

– Мертвого джентльмена, сэр, который считается дядей этого маленького мальчика, сэр. Джентльмена...

– Я не маленький мальчик, – перебил Ричард. – И я бы с удовольствием посмотрел на тело, если можно.

– Нельзя, – ответил Джонс.

После паузы Ричард вежливо спросил:

– Его ударили по голове в гостиной, верно?

– Ну вот, – тяжело вздохнул Джонс, – а это еще откуда?

– Ваша служанка сказала, пока вы качали насосом воду.

– А что еще она тебе сказала?

– Что я похож на свою мать.

– Моя мама говорит – она не верит, что это тело мистера Миддлтона, – заявил Генри. – Она говорит – лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Верно, – согласился Джонс. – Но верно и то, что полиция знает свою работу, старина. Ричард окинул взглядом окрестный пейзаж.

– Что это за холм? – спросил он.

– Гутрум-Даун, – ответил Генри. – Заколдованное место, на его вершине живет Долговязый парень.

– Все это сказки, которые бабки рассказывают малышам, – пренебрежительно промолвил Ричард.

Генри озадаченно посмотрел на человека, который бросал вызов одному из основных постулатов местного «символа веры».

– Нет, это правда, – возразил он. – Долговязый парень существует. – Генри посмотрел на Джонса. – Мама сначала думала, что это мистер Джонс, но пастор разубедил ее. А еще она считала, что он – Старый сатана, хотя точно так же называют пастора.

Оба мальчика уставились на Джонса, оценивая его рост и тщедушное телосложение.

– Долговязый парень, – протянул Ричард. – Звучит неплохо. Ваша мама – наблюдательная женщина, – вежливо заметил он Генри.

– Миссис Флюк говорит, что простые люди всегда видят правду, – кивнул Генри. – Потому что другие не пытаются от них ничего скрыть, как скрывают от вас или меня.

– А что, например, они могут скрывать от тебя или меня? – спросил Джонс.

Но Генри только покачал головой. Ему понравилась сама фраза, а с чем она была связана, уже выветрилось у него из головы. В этот момент Ричард заметил голубую бабочку, и оба мальчишки бросились ловить ее.

– Ну, что ты думаешь о Генри? – спросил Джонс своего гостя, когда они вернулись домой, а Генри, ошалеv от полученного шиллинга, опрометью бросился к матери.

Ричард, с большим интересом разглядывая чай, который миссис Пэшен ставила на стол, вежливо ответил, что Генри – хороший парень. Решив, что вряд ли услышит от него что-либо более вразумительное до тех пор, пока миссис Пэшен не закончит свои приготовления и не накормит гостя, Джонс сел за стол.

– Помилуй бог, миссис Пэшен! – воскликнул он. – Четыре вида печенья? И три вида джема?

– И большое яйцо, мистер Джонс, – кивнула миссис Пэшен, расставляя рюмки для яиц. – Пусть молодой джентльмен набирается сил, пока он здесь.

– И то правда, – пробормотал молодой джентльмен, намазывая на хлеб масло и следя за тем, как миссис Пэшен наливает ему черный как деготь чай и щедро наполняет его сахаром.

– Добрая женщина, – заметил Ричард, когда она ушла. – Похоже, ей нравится мое присутствие.

– Да, это разнообразит ее жизнь, – согласился Джонс. – Ты бы не возражал, если бы Генри остался у нас на чай?

– Его это могло бы смутить, вам не кажется? – предположил он.

– Почему?

– Ну, он отличный парень, только вряд ли умеет вести себя за столом и, пожалуй, сам это понимает, разве нет?

Джонс был удивлен и заинтересован Ричардом. Он внимательно смотрел на мальчика, сравнивая его с миссис Пэшен и ее мужем. Физическое сходство было, конечно, налицо. А вот умственное – скорее наоборот. К тому же Ричард выглядел намного привлекательнее. Даже неподвижность его лица с лихвой компенсировали интеллигентный вид и серьезные, взвешиваемые слова. Разговор прервался до конца обеда. Потом Джонс спросил:

– В какое время ты ложишься спать?

– Часов в восемь, – произнес Ричард. – У меня тренировки. Надо соблюдать режим.

– Тренировки? Отлично. Чем ты занимаешься?

– Боксом. Я привез с собой перчатки. Мне нужно найти партнера для спарринга. – Он обвел гостиную оценивающим взглядом. – Свет тут неважный, но в целом подойдет. Какова площадь комнаты?

Джонс скромно ответил, что не знает, но они могут измерить ее завтра утром. Он спросил Ричарда, в каких соревнованиях тот участвовал.

– Лишь в школьных, – небрежно промолвил парень. – Но я хочу выступить на чемпионате британских колледжей. Кстати, не иметь матери – большое преимущество. Как вы считаете?

Джонс пояснил, что, к сожалению, никогда не уделял рассмотрению данного вопроса того внимания, которого тот, видимо, заслуживал. Ричард покачал головой.

– Многие люди, в том числе выдающиеся, считали матерей скорее минусом, – продолжил он. – Обычно от них слишком много суеты. Им нужно разъяснять важность такого спорта, как бокс. Но я не завидую парням, которым придется это делать. Не говоря уже о том, что из-за матери могут пропасть все тренировки. Дай ей волю, и она потащит тебя на прогулку, начнет пичкать сладостями...

Куря трубку, Джонс сочувственно кивнул и признал, что это похоже на правду.

– Если не возражаете, я займусь своими упражнениями. Кажется, мой чай уже переварился, – заметил Ричард через два часа.

Все это время они провели в дружеском молчании. Ричард с мрачным усердием и большой технической точностью рисовал современные модели мотоциклов.

– Вперед, – кивнул Джонс. – Кстати, боюсь, что на ванну можно не рассчитывать. У нас мало чистой воды.

– Ничего страшного. Я захватил свое спортивное полотенце. После упражнений просто хорошенько вытру тело, вот и все.

Ричард ушел. Джонс услышал, как он топает по полу в спальне. Минуты через три парень спустился вниз в длинной фуфайке и тренировочных штанах. Упражнения, к которым приступил, сложные и изматывающие, были явно его собственного изобретения, и он предавался им с религиозной серьезностью, как человек, исполняющий какой-то священный ритуал.

– Пошупайте, – с гордостью предложил он после тренировки Джонсу, напрягая бицепсы на руках.

Джонс пошупал. В этот момент вошла миссис Пэшен.

– Молодой джентльмен желает принять ванну? – осведомилась она.

– Ванну? – воскликнул Джонс. – Господи, как вы сумели добыть воду в этой иссушенной земле?

Миссис Пэшен посмотрела в окно.

– «Я изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее», – пробормотала она и, повернувшись к писателю, добавила: – На вершине Гутрум-Даун можно собрать росу.

– Вы набрали на холме росу для ванны?

– Молодому джентльмену нужно принять ванну, – объяснила миссис Пэшен. – Я знаю, как принято в хороших домах. Мы с Пэшеном и матерью взяли по паре ведер и набрали сколько нужно. Вы тоже можете помыться, мистер Джонс, если желаете. Где мне сделать ванну для молодого джентльмена?

– А я думал, вы в ссоре с матерью, – заметил Джонс.

Миссис Пэшен уставилась в пространство над его головой.

– У моей матери есть свои причины, чтобы ходить на Гутрум-Даун в разгаре лета, мистер Джонс.

Судя по тону ее голоса, в этих словах заключался какой-то глубокий смысл, но Джонс не уловил его. В наступившей паузе он тщетно пытался поймать смутную мысль, вертевшуюся у него в голове.

– Разумеется, – наконец произнес он. – Кстати, как ваш ужасный запах?

– Исчез, когда умер мистер Миддлтон.

– Неужели? И как это связано?

Миссис Пэшен перевела взгляд с Джонса на Ричарда, терпеливо ждавшего, когда можно будет принять ванну, и ответила:

– «Ночь ночи возвещает знание». Скажу вам больше, мистер Джонс: кто-то снова наслал порчу на нашего викария.

– Что вы имеете в виду?

Она приложила пухлую руку ко лбу и мрачно изрекла:

– Он выбил в церкви окно-розетку и со всей силы разбил лоб о стекло.

– Морбидный символизм, – машинально пробормотал писатель.

– Наверное. Я плохо разбираюсь в современной медицине. Но все равно – на невинного человека навели порчу.

Джонс кивнул. Ричард вежливо спросил:

– Может, мне лучше устроиться в кухне? Вдруг я расплескаю немного воды?

– Так и сделаем, – согласилась миссис Пэшен.

Джонс слышал, как они разговаривали, пока она наливала ему горячую воду. Вскоре миссис Пэшен вернулась в гостиную.

– Если не возражаете, я пойду, мистер Джонс. Можно я выйду через переднюю дверь? Раз уж молодой джентльмен занял кухню.

– Конечно, – ответил Джонс.

Услышав, как закрылась входная дверь, он изогнулся в кресле, чтобы проследить, как миссис Пэшен шествует по саду среди алых маков и пышных роз. Фетида, подумал Джонс, была самой пугливой и мнительной из женщин. Интересно, а что Ричард думает о пяте Ахиллеса?

Позднее к нему снова заглянул Мортмэйн. Когда Джонс спросил его о викарии, тот покачал головой.

– Между нами говоря, – произнес он, – мне кажется, что он сошел с ума. Но нужно мнение другого врача.

– Я послал за миссис Лестрейндж Брэдли, – сообщил Джонс.

– Прекрасно. Нао не пустил меня к нему, но когда я заглянул в окно, Хэллем подошел к стеклу и начал нести полную околесицу. На голове у него была огромная повязка, закрывавшая весь глаз. Он заявил, что является пророком Магометом или еще каким-то библейским персонажем.

– Библейским, о невежественнейший из язычников? – воскликнул Джонс, воспитанный в лоне твердолобой, но хорошо осведомленной уэльской методистской церкви. – Вы хотели

сказать «Моисеем», а не «Магометом». Хэллем, может, и сошел с ума, но не до такой же степени! К тому же Моисей был патриархом, а не пророком.

– Я помню, там было что-то на букву «эм», – робко попытался оправдаться доктор.

– Например, мозги набекрень, – отрезал писатель с грубостью, допустимой между друзьями.

Глава XI

«Год назад с беднягой Томом случилась неприятность, и он оказался такого интересного телосложения, что я не смог спасти его от этих жуликов хирургов: он угодил в анатомический зал и стоит теперь среди скелетов».

Джон Гэй. Опера нищего. Акт II, сцена I

Примерно через полчаса после ухода миссис Пэшен Джонсом овладело возбужденное состояние, вероятно, вызванное летней жарой и подвигшее его к целому ряду действий, которые, как мы вскоре увидим, привели к самым неожиданным последствиям.

Какое-то время он сидел и слушал, как Ричард плещется в ванне, декламируя стихи, и по мере того, как его ухо привыкало к ритму пятистопного ямба, Джонс все с большим удивлением обнаруживал, что присутствует при одном из самых лучших исполнений речи Марка Антония из «Юлия Цезаря».

Он приблизился к двери, отделявшей гостиную от кухни, и вошел внутрь. Ричард стоял посреди ванны с неподвижным лицом деревянного божка, полузакрыв глаза и вздернув подбородок, и отбивал такт огромной мочалкой, зажатой у него руке. Его голос медленно и внятно произносил строчки из трагедии:

– «А Брут весьма достойный человек».

– Иди спать, – сказал Джонс. – Ты чем тут занимаешься?

– Читаю свою роль.

– Можешь делать это в кровати. Ты уже помылся?

– Да.

– Тогда марш в постель. Воду из ванны я солью сам. Она нужна мне для сада. Давай сюда полотенце. Вот, возьми маленькое. Пижамы у тебя готова? Ладно, я за ней схожу. И не забудь высушить волосы.

Подкрепившись печеньем и молоком с содовой, Ричард отправился спать, а Джонс вернулся в гостиную и принялся за чтение. Внезапно он отложил книгу, подошел к столу и достал из ящика бумагу и почтовые конверты. В следующие полчаса он написал два письма – одно своей жене, а другое – адвокату.

В первом было сказано: «Я нашел мальчика десяти лет, которого хочу усыновить. Что ты думаешь?»

Во втором говорилось: «Как можно усыновить мальчика-сироту десяти лет? Считается, что это племянник убитого Миддлтона, но я полагаю, он сын одной местной пары».

Джонс решил не ждать до утра и отправить письма немедленно. Запечатав конверты, он на цыпочках поднялся наверх. Ричард еще не спал.

– Я хочу сходить на почту, – сообщил Джонс.

– Хорошо.

– Не возражаешь, если оставлю тебя одного?

Ричард усмехнулся.

– Ну, извини, – сказал Джонс. – Я так, на всякий случай.

Тем не менее он решил вернуться поскорее. Но идя с почты, Джонс столкнулся со старой миссис Флюк. Она согнулась в три погибели и несла на плечах пустой мешок. Следом, как тень, скользил черный кот.

Джонс остановил ее и поинтересовался:

– Что вы делаете здесь в такое время?

Он говорил нарочито громко и добродушным тоном. Старуха закричала и покачала головой. Черный кот приблизился к Джонсу, замурлыкал и потерся о его ноги.

– Все из-за пастора, – проскрежетала миссис Флюк. – У него снова эта лягушачья чума.

– Что за лягушачья чума?

Джонс вспомнил разбухшие тела, которые недавно закапывал викарий, и к горлу подкапала тошнота.

– Читайте Библию, молодой человек, и все узнаете, – едко промолвила миссис Флюк. – Мы с Малки направляемся к пастору, и я тащу свой мешок для лягушек, вот только силенок совсем не осталось.

– Я сам пойду, – предложил Джонс. – Дайте вашу суму.

Посмеиваясь, она протянула ему мешок. Черный кот, не зная, за кем ему идти – мешком или старухой, – начал бродить кругами, выражая сомнения громким мяуканьем, но выбрал все-таки мешок. Джонс почувствовал запах свежей рыбы и понял, почему.

Он подумал об оставшемся дома мальчике, но успокоил себя тем, что перед уходом надежно запер окна в нижнем этаже. Обе двери, во двор и на крыльцо, тоже были на замке. Вряд ли в его отсутствие разразится пожар, а миссис Пэшен, даже если ей вздумается заявиться в гости, не сможет попасть внутрь и напугать ребенка. Тем не менее Джонс заглянул к доктору и сообщил ему о своих намерениях, упомянув о сидящем дома Ричарде.

– Я рад, что вы идете к викарию, – произнес доктор. – Он совсем плох. Его надо скорее вывезти отсюда, но я не могу его ни в чем убедить, пока он не пускает меня в дом.

– Странно, как быстро все это случилось, – заметил Джонс.

– Что именно? Кстати, я могу послать к вам пару моих служанок, если оставите ключ. Переживаете за парня?

– Как старая наседка, – признался Джонс.

– Мои девушки будут не против, – добавил Мортмэйн. – Еще светло. А вы сможете задержаться у викария и поговорить с ним. Миссис Брэдли приедет?

– Надеюсь. Пока я не получил ответа. Спасибо за помощь.

Служанки, получив инструкции, заулыбались и сказали, что с удовольствием посидят с мальчиком. Джонс дал им денег и собрался уходить.

– Вы так и не сообщили, что именно случилось, – напомнил доктор, ухватив его за рукав.

Джонс подумал, что с такой же легкостью Мортмэйн мог бы остановить его силой взгляда.

– Ну, вы знаете. Нервный срыв. Вы слышали, что он разбил окно в церкви и порезался стеклом?

– Господи! Нет, я об этом не слышал! Теперь понятно, почему у него так замотана голова. Мне это совсем не нравится. Бедняга! Скверно, если все это правда.

Однако вопреки его словам, в голосе доктора прозвучало удовольствие.

– Да, плохо, – согласился Джонс. – Морбидный символизм! Ужасно! Я услышал от миссис Пэшен.

– И откуда они только узнают? Сомневаюсь, что в деревне есть телефон, иначе мои девушки мне бы рассказали.

Викария они нашли в постели. У него действительно было замотано полголовы. Когда они появились в комнате, священник спрятал голову под одеяло и отказался показывать рану доктору, запретив ему приближаться к себе. Японский дворецкий, неподвижный, как идол,

стоял в дверях. Доктор пробыл в гостях минут десять. Он ни слова не сказал японцу, пока не вышел за дверь.

Викарий молча уставился на Джонса. Его глаза блестели, как у больного лихорадкой.

– Из Нао он ничего не вытянет, – заявил он, смеясь, но тут же поморщился и схватился за голову. – Я не доверяю Мортмэйну. От его лечения мне будет только хуже.

– Почему вы не позволили ему осмотреть рану? – спросил Джонс недовольным тоном.

Викарий скорчил гримасу. Он снова рассмеялся и сразу поморщился.

– Я чувствую себя полным дураком. Вы знаете, что случилось?

– Нет.

– Я думал, деревенским все уже известно.

– Миссис Пэшен рассказала мне одну из своих баек.

– Что именно?

– О выбитом окне и о том, что вы порезались стеклом.

– Краткая версия ее слов, не так ли? Почему бы вам не сказать все, как есть, Джонс?

В его голосе прозвучали капризные, почти истерические нотки.

– Ну, вы знаете этих деревенских. Лучше расскажите, что произошло на самом деле, – попросил Джонс, стараясь говорить приятным и спокойным тоном.

– Мальчишки стали бросаться камнями в окно, и один из них угодил мне в лоб, когда я пытался остановить их.

Джонс хорошо разбирался в психологии и понял, что священник лжет. Но ему не хотелось об этом говорить, и он перевел беседу на другую тему.

– Миссис Флюк сообщила мне о «лягушачьей чуме». Что она имела в виду?

– Наверное, тех мертвых лягушек, которых я закопал в саду.

– Очевидно, – кивнул Джонс, хотя это его ничуть не убедило. – Значит, в колодце их больше нет?

– Нет. Ни одной. Не забывайте – если вам будет не хватать воды, приходите ко мне. А скоро ее будет не хватать. Всем. Абсолютно всем! – Викарий ехидно усмехнулся и снова спрятался под одеяло.

– Спасибо, я учту, – кивнул Джонс.

Он рассказал о том, как миссис Пэшен заставила мужа и миссис Флюк собирать росу для ванны Ричарду. Обоих это развеселило. Викарий так просто разошелся. Он залился визгливым смехом. Джонсу пришлось его успокаивать.

– Я уверен, что это ее сын, – заметил писатель, – и что она убила Миддлтона.

– Но зачем ей убивать Миддлтона? – спросил викарий с таким видом, словно они никогда не обсуждали эту тему.

– Чтобы обеспечить наследство мальчику.

– Нет, я в это не верю, – заявил пастор.

– Почему? Эта женщина способна на все.

– Только не на убийство.

– Я думаю, она убила и первого Миддлтона, чтобы сделать сына наследником семьи.

– Вы это уже говорили, – раздраженно проговорил Хэллем, – но я этому не верю и никогда не поверю. Наша деревня не настолько испорчена. Это моя деревня, мои люди, и я не хочу слышать, что они безнадежные грешники.

Джонс нахмурил брови. Разве не от викария он слышал страстные, мрачные и безусловные подтверждения порочности местных жителей?

– Главное, чтобы не начался дождь, – добавил священник. – Продолжение засухи решит все мои проблемы. А после дождя они возникнут снова.

Джонс ушел от него в половине десятого. Зная, что Ричард больше не один, он направился в кухню, чтобы поговорить с Нао. Японец ел ужин: сардины, бутерброд с маслом и

горсть свежесобранной клубники. Свеча, озарявшая его голову, руки и тарелку, – кухня была довольно темной и свет в ней приходилось зажигать раньше, чем в других комнатах, – придавала ему сходство с лакированной статуэткой. Когда Джонс вошел, он вежливо встал и застыл на месте.

– Ну-ка, – резко произнес Джонс, – выкладывайте, что с вашим хозяином.

– Убийство в Неот-Хаусе, вот что, – ответил японец.

– Но проблемы у него начались раньше, чем убили мистера Миддлтона. Не увеливайте. Ваш долг перед мистером Хэллемом требует, чтобы вы сказали правду. Мистер Хэллем очень болен, и я хочу помочь ему.

Японец улыбнулся:

– Мой долг перед мистером Хэллемом требует, чтобы я хранил его секреты. И я не считаю, что он болен.

– Значит, вы ошибаетесь или лжете. Мистер Хэллем сам не свой, неужели вы не видите?

– Вижу. Давайте не будем об этом говорить. Я хочу вам кое-что показать. Идите за мной.

Он взял свечу и направился к задней двери. Заслонив ладонью огонек свечи – хотя ночь была тихой, – дворецкий прошел через двор к небольшой кладовой, где стоял насос, и, войдя внутрь, поставил свечу на полку. Затем приблизился к большому медному котлу и поднял крышку.

– Посветите сюда, пожалуйста, – попросил он.

Джонс взял подсвечник и поднес его к темной щели. Он заглянул под крышку. На дне огромного сосуда блеснуло что-то синее. Нао засунул туда свои желтые руки и начал вытаскивать один за другим крупные куски стекла, полыхавшие, словно радуга, лазурной синевой, изумрудной зеленью, золотом и пурпуром.

– Это и есть окно-розетка? – спросил писатель.

– Да, квадрифолий, мистер Джонс. Мистер Хэллем один забрался наверх и вытащил это прекрасное окно. Вырезал алмазом каждый кусок, сложил в подвешенную на руке корзину, спустил вниз и спрятал на дне котла, взяв с меня клятву, что если что-нибудь случится, я отдам его вам.

Он уложил стекло в корзину и улыбнулся озадаченному Джонсу.

– Но как вы об этом узнали?

– Я следил за ним, – спокойно ответил Нао. – И надеялся, что он не упадет. Викарий забрался на церковную башню, мистер Джонс, и это было поздно ночью.

– Он воспользовался лестницей?

– Нет, вскарабкался прямо по стене. Очень высоко.

– Невероятно.

– Да, мистер Джонс. Очень опасно. Он постоянно бормотал, что осталось мало церквей тринадцатого века, где есть розетки с нетронутыми стеклами. Да, да!

Джонс понес корзину к выходу, а Нао опустил крышку и взял подсвечник. Прежде чем они вернулись в кухню, писатель спросил:

– Мистер Хэллем знает, что вы его видели, Нао?

– Да.

– Вот как? И что он вам сказал?

– Он аккуратно уложил стекло в котел и стал мыть руки, а я качал воду насосом. И он спросил: «Который час»? – а я ответил, что далеко за полночь. Тогда он добавил: «Это заняло у меня более часа».

– А что у вас с этой лягушачьей чумой?

Джонс впервые заметил на лице японца нечто похожее на волнение.

– Проклятая старуха! – воскликнул Нао. – Все произошло, когда викарий карабкался на башню. Она явилась к колодцу и вывалила в него полный мешок лягушек! Да, так оно и было! Я сам видел.

– Боже милостивый! И когда это случилось?

– В пять минут двенадцатого. Я ей много тогда чего наговорил.

– Долго она пробыла здесь?

– Когда старуха меня услышала и заговорила со мной, было двадцать минут двенадцатого. Мы стояли в церковном дворике. Неподходящее место, чтобы беседовать с полоумной ведьмой о мешке с лягушками! Потом я заставил ее собрать все, что она принесла, и выпроводил со двора.

– Во сколько она от вас ушла?

– Перед тем, как викарий спустился с башни.

– Очень странно, – пробормотал Джонс и добавил: – Интересно, что она делала тут сегодня вечером?

Японец покачал головой.

– Попалась бы она мне здесь вечером или когда-нибудь еще, – сказал он тихо, но таким тоном, что у Джонса пробежали мурашки по спине.

У писателя было богатое воображение, и от этих ноток в голосе на него дохнуло целыми веками жестокости. Он так задумался, что пропустил поворот к своему дому, миновал «Долговязого парня» и опомнился лишь на развилке, в пяти минутах ходьбы от дома Миддлтонов. Ему пришло в голову, что тело Миддлтона еще, возможно, не убрали, и внезапный приступ любопытства заставил его проследовать дальше, открыть садовые ворота и подняться по дорожке к дому.

Джонс был готов к тому, что двор забаррикадирован, а дверь заколочена гвоздями. Его не удивило бы и множество зевак, заглядывающих в комнаты через окна в первом этаже. Он даже допускал встречу с полицейским, которому запретили пропускать на территорию посторонних. Единственное, чего он никак не ожидал, – это сильный, резкий и неожиданный удар, обрушившийся на его голову в тот момент, когда он огибал угол здания.

Его пронзила острая боль, сверкнувшая перед глазами, как лезвие меча. Потом – падение и темнота.

Следующее, что запомнил Джонс: он лежит в собственной постели с раскалывающейся головой, на него с добродушным упреком смотрит доктор, а рядом в его лучшем кресле, пестрая, как попугай, и зубастая, как аллигатор, восседает миссис Брэдли.

Глава XII

«Но он, палец ко рту приложив, ужасом пораженный:

– Молчи, молчи! – говорит. И озирается, не слышал ли кто. – Берегись, – говорит, – вещей жены! Как бы невоздержанный язык беды на тебя не накликал!

– Еще что! – говорю. – Что же за женщина эта владычица и кабацкая царица?»

Луций Апулей. Золотой осел

– Деревня кишмя кишит суевериями, мало чем отличающимися от идолопоклонства! – воскликнул Джонс.

Миссис Брэдли снисходительно усмехнулась на его возбужденный вид (вызванный, как она думала, скверным состоянием), но выражению ее лица могла бы позавидовать любая горгулья с собора Нотр-Дам.

– Не сомневаюсь, что они уже приняли вас за апулеевскую Мерию!

– Викарий уж точно – бедное дитя, – отозвалась она.

– Хэллем? Да, да. Что вы о нем думаете?

– У него явная склонность к гомициду.

Ее низкий голос, густой и ровный, приглушил грозное значение этой фразы, но Джонс резко привстал на локте и взволнованно спросил:

– Вы полагаете, он убил Миддлтона?

– Откуда же мне знать, кто его убил? – возразила миссис Брэдли, оскалив зубы. – Следствие считает, что преступление совершило неустановленное лицо. Лучше расскажите о Теббатсах.

– О них мне ничего не известно. Давайте вернемся к Хэллему. Что с ним такое? Переутомление?

Она сморщила губы, сложив их в маленький клюв, и покачала головой.

– Профессиональные секреты? – вздохнул Джонс. – Все, что скажет мой пациент, – священная тайна, даже если мне не хочется слушать ту ахиною, которую несет этот несчастный?

– Может быть, – небрежно промолвила миссис Брэдли. – Вам надо поспать, дитя мое. А я пока погуляю с Ричардом.

Ричард шел молча, пока они не добрались до «Долговязого парня». Тут он вежливо спросил:

– Мы пойдем ко мне домой, миссис Брэдли?

– Да, – кивнула она. – По крайней мере, я пойду. А тебе туда лучше не ходить.

– Можно мне с вами? Пожалуйста!

– Не надо. Я хочу, чтобы ты поиграл в саду у миссис Корбетт и заодно взял несколько образцов почвы. Они нужны мне для расследования.

– Звучит неплохо, – кивнул Ричард, явно обрадованный новым планом. – Как насчет спичек и отпечатков пальцев?

Миссис Брэдли сунула ему две почтовые открытки.

– Собери сюда все отпечатки пальцев, которые сможешь найти, и пометь их инициалами, – распорядилась она. – Спички не нужны. Окурки тоже. – Она сдвинула брови. – Только отпечатки следов.

Миссис Брэдли достала складной метр. Неподвижное лицо Ричарда осталось спокойным, но черные глаза блеснули.

– Вот блокнот для записи наблюдений, – добавила она, – и...

– Карандаш у меня есть! – воскликнул парень. – Черт, это просто потрясающе!

Миссис Брэдли прижала палец к губам. Ее глаза выразительно стрельнули в обе стороны. Ричард, смеясь от возбуждения, понимающе кивнул. Дойдя до поворота, она обернулась и проследила за тем, как прыткий мальчишка в светло-сером фланелевом костюме срезал путь к стоявшему неподалеку темно-красному дому. Что ж, теперь ее подопечный будет под присмотром и найдет себе занятие по крайней мере на ближайшие два часа.

Теббатсы формально все еще управляли домом. Мать выглядела усталой и встревоженной, ее сын – всклокоченным и раздраженным. Миссис Брэдли произнесла:

– Доброе утро. Я не собираюсь осматривать дом. Можно мне присесть? Очень жарко.

Женщина взяла кресло и поставила его под тенистым деревом.

– Хотите что-нибудь выпить, мадам? – спросила она.

– Нет, я пришла поговорить с вами, – ответила миссис Брэдли.

– О, только не о мистере Миддлтоне, мадам, прошу вас!

– Разве вы не хотите знать, кто его убил?

– Никто и никогда этого не узнает, – заявил сын.

– Том, перестань! – воскликнула миссис Теббаттс.

– А как они сумеют это выяснить, запугивая нас с тобой?

– Они делают все, что в их силах, сынок. Полиции некогда с нами церемониться, да и у отца характер несладкий, сам знаешь.

Это была скромная, аккуратно одетая женщина средних лет с крепкой фигурой и бледным лицом. Острый взгляд миссис Брэдли какое-то время пристально изучал собеседницу. Потом она вдруг сказала:

– Том, уйди, пожалуйста. Я хочу поговорить с твоей матерью.

Подросток пожал плечами, посмотрел на мать и, получив от нее утвердительный кивок, направился к выходу.

– И, будь добр, держись подальше от двери! – крикнула вдогонку миссис Брэдли.

Когда Том ушел, она устроилась поудобнее и осмотрела сад.

– Похоже, вы сильно заняты, миссис Теббаттс, – произнесла она. – Я не стану задерживать вас дольше, чем необходимо.

Миссис Теббаттс покачала головой. Она глядела не на гостью, а на красивый куст сирени, усыпанный пышными гроздьями цветов.

– По правде говоря, мне сейчас совсем не до работы, мадам, – вздохнула она. – После смерти мистера Миддл-тона у нас серьезные проблемы. Я бы не стала говорить это при Томе или его отце, но для меня возможность поговорить с другой женщиной – простите, что адресуюсь к вам таким образом, – большое облегчение. Инспектор и полицейские... вряд ли они верят, что мой бедный муж действительно замешан в этом деле, но, с другой стороны, что они должны думать при таких уликах? Муж совсем болен, он просто в шоке. Вот его комната, с окнами на запад.

– А что за улики? – спросила миссис Брэдли, глядя не на западное окно, а на огромную фуксию с тысячами красных и пурпурных бутонов.

Миссис Теббаттс уныло покачала головой:

– Улик никаких. В том-то и проблема. Я сама не могу поверить, что мы с мужем спали, когда это случилось, и инспектор тоже этому не верит. Неудивительно. А Том – он постоянно находился внизу. Как мы могли не услышать никакого шума?

– Странно, – рассеянно кивнула миссис Брэдли. – Расскажите о мистере Миддлтоне.

– Он был старшим из братьев. Они оба воевали. Мы с мужем раньше служили у родителей жены младшего мистера Миддлтона, по фамилии Паллинер. Вы, наверное, уже об этом знаете? Так вот, наш мистер Миддлтон – мы так всегда его между собой называем, – вернулся домой без единой царапины. А его старший брат – мистер Карсуэлл Миддлтон, тот самый, которого убили, – как нам сказали, не то погиб, не то пропал месяцев за восемь или девять до окончания войны, примерно в феврале. Вот почему наш мистер Миддлтон унаследовал и лондонский дом, и этот особняк вместе с землей, что стоит огромных денег. Я слышала, что раньше Миддлтоны торговали чаем, и у них даже был свой торговый флот. В общем, наш хозяин стал очень богат, хотя и до этого, конечно, не бедствовал.

Но не так давно, – продолжила миссис Теббаттс, – буквально пару месяцев назад, мистер Карсуэлл Миддлтон обнаружился в лондонской больнице, куда попал после дорожной аварии. Вероятно, полученный шок пробудил его память, и он вспомнил, кто он такой. Подтвердить это было нетрудно. Во-первых, его узнали мистер и миссис Паллинер, да и мы с мужем тоже. Во-вторых, у него были документы. Я не знаю всей истории, однако слышала, что адвокат и опекуны мальчика пытались оспорить заявление мистера Миддлтона, но доказать ничего не смогли. К тому же, говорят, он дал им клятвенное заверение, что никогда не женится, и его племянник, таким образом, не потерпит никакого имущественного ущерба, разве что вступит

в свои права немного позднее. Ребенок, заверил он, будет жить вместе с ним, и он воспитает его как собственного сына. Все было устроено как нельзя лучше, мы подготовили для мальчика комнату, как вдруг разразилась эта ужасная трагедия.

– Все действительно поверили, что мистер Карсуэлл Миддлтон останется холостяком? – поинтересовалась миссис Брэдли.

Миссис Теббаттс оглянулась по сторонам, проверяя, нет ли рядом Тома, и негромко произнесла:

– Почему бы и нет, после того, что случилось с мистером Хэнли Миддлтоном. Не следует говорить плохо о мертвых, мадам, но сердце бедной миссис Паллинер было разбито из-за того, что ее дочь вышла замуж за распутника.

– За распутника? – повторила миссис Брэдли.

– Отъявленного распутника, – подтвердила миссис Теббаттс, еще больше понизив голос. – Они долго не могли найти служанку, пока у них не появилась наша Марта – Марта Флюк. А потом ей пришлось выйти замуж за деревенского дурачка, чтобы скрыть то, что она натворила.

– Вы случайно говорите не о миссис Пэшен?

– Да, о ней. Я называю ее Флюк, потому что так ее звали, когда я впервые услышала о ней.

– В то время вы уже жили в деревне? – уточнила миссис Брэдли.

– В Саксон-Уолл? Избави Бог! Но все, кто знал мистера Хэнли, знали и Марту Флюк. Он постоянно брал ее с собой в Лондон, якобы для того, чтобы она прислуживала несчастной мисс Констанции. О, это был страшный скандал! Не понимаю, почему миссис Паллинер вообще пускала Марту в дом, может, потому, что иначе она не смогла бы видеться с дочерью. Мистер Хэнли всегда приезжал только вместе с девушкой и не позволял жене оставаться у родителей без него. Ситуация была весьма щекотливой, уверяю вас.

– Печальная история, – отозвалась миссис Брэдли.

Миссис Теббаттс понизила голос до шепота:

– Если бы мисс Констанция не умерла раньше мистера Хэнли, я бы ничуть не усомнилась в том, кто ее убил.

– Прошу вас, расскажите, что произошло в день убийства, – попросила миссис Брэдли и достала из кармана юбки маленький блокнотик и позолоченный карандаш.

Она стала быстро записывать все, что говорила миссис Теббаттс. По бумаге побежали крошечные иероглифы, не понятные никому, кроме нее самой.

– Ну, вечер мы провели как обычно, – начала миссис Теббаттс. – В пять часов выпили чай – мистер Миддл-тон сделал это раньше, в половине пятого. Затем муж отправился рыхлить почву на цветочных клумбах – днем было слишком жарко для такой работы, Том стал подстригать лужайку, а я начала готовить ужин для мистера Миддлтона, чтобы подать его в половине восьмого. Поскольку воды для лимонада не хватало, я приготовила молоко с содовой – из-за сухой погоды у него был мучной привкус – и заварила пару чашек чая, тоже довольно странного на вкус. Вернулся муж и накрыл на стол. Том срезал несколько цветов для вазы, а муж пошел спросить у мистера Миддлтона, какое вино тот будет пить.

– Где находился мистер Миддлтон между чаем и ужином? – спросила миссис Брэдли, не отрывая взгляда от записной книжки.

– То здесь, то там. Кажется, заходил в оранжерею, потом провел полчаса в библиотеке, где составлял список каких-то книг, затем поднялся в спальню, чтобы переодеться к ужину – как обычно, в половине седьмого, – и Том отправился к нему, чтобы помочь с запонками и галстуком. После ужина мистер Миддлтон остался в гостиной с бокалом портвейна, а вскоре улегся на диванчик, согнув ноги в коленях и...

Она посмотрела на миссис Брэдли, и та кивнула, подтвердив, что помнит, в какой позе нашли тело.

– Он читал книгу, – продолжила миссис Теббаттс. – Так всегда бывало после ужина. Часов в девять вышел на прогулку и, насколько я знаю, заглянул в дом к викарию, хотя обычно этого не делал. Но оставался он там недолго, судя по тому, что без двадцати десять уже был дома и позвал моего мужа, попросив принести ему бренди с содовой, без которых никогда не ложился спать.

– Скажите, – произнесла миссис Брэдли, подняв голову от блокнота и вертя между пальцами карандаш, – на мистера Миддлтона как-то подействовал его военный опыт?

– Кошмаров у него не было, если вы об этом. И вообще, ничего такого.

– Он когда-нибудь страдал от временных потерь памяти?

– Нет. Память у него была отличная, даже в мелочах. Порой это немного утомляло. Не успокоится, пока не выполнишь в точности все, что он скажет. Как говорится, уж если память вернулась, то навсегда.

– В тот вечер мистер Миддлтон лег спать рано?

– Даже слишком рано, мадам. В половине одиннадцатого ушел наверх, и больше мы его не видели.

– Похоже, здесь ключевой момент этой истории, – быстро проговорила миссис Брэдли. – Насколько я понимаю, полиция не сомневается, что, когда ваш сын в четверть двенадцатого спустился в гостиную и увидел мистера Миддлтона лежащим на диване, тот был уже мертв?

– Они в этом уверены, как и оба врача: доктор из Стаухолла и наш доктор Мортмэйн из Саксон-Уолл.

– А сами вы что об этом думаете? – спросила миссис Брэдли, пристально глядя ей в лицо. – Выкладываете, миссис Теббаттс. Вы явно о чем-то умалчиваете.

Лицо женщины вдруг сморщилось и побледнело. Она рухнула на колени рядом с креслом миссис Брэдли и, судорожно хватив ее за джемпер, сдавленно простонала:

– О, мадам, это сделал мой мальчик! Мой Том! Боже, что со мной будет, если его повесят! Господи, что со мной будет!

Миссис Брэдли принялась ее успокаивать, а потом заявила:

– Расскажите мне обо всем. Без утайки. А позднее я побеседую с Томом.

– О, мадам, ради бога, поговорите с ним! У меня самой не хватает духу. Он всегда был нервным мальчиком. Глядя на него, не скажешь – большой, крепкий парень, – но до четырнадцати лет мы с ним намучились. Помню, однажды в школе... Господи, я думала, с ума сойду! Он решил, что учитель хочет высечь его, и набросился на него как тигр, укусил за палец, начал вопить на всю школу – уж не знаю, откуда он этого набрался. У нас в семье всегда все было спокойно. Отец никогда его не бил, ни разу в жизни. Учитель послал за мной. Сказал, что не хочет наказывать Тома, поскольку тот, похоже, сам не знает, что делает, но считает, что я должна об этом знать. Нам пришлось дать ему гиосцин. Потом был еще случай, когда он окончил школу и поступил на работу. Том швырнул молоток в мастера и чуть не убил его. И все из-за того, что тот схватил его за ухо в наказание за какую-то провинность. Это не дурной характер, вовсе нет, – я-то знаю, что это такое, – дело в нервах. А почему он такой, понятия не имею. Тома даже валерьянка не успокаивает.

– И вы считаете, что в приступе ярости...

– А как еще можно объяснить? Каждый день я задаю себе этот вопрос! Я-то знаю, чего от него можно ожидать. Том полностью теряет над собой контроль. В боксе – другое дело. Прежде чем мы сюда приехали, Том был скаутом и отлично боксировал. Он умеет держать удар, боли он не боится. Я видела, как мужественно он себя ведет, когда порежется или ушибется. Проблема в нервах. Том и мухи не обидит, пока соображает, что делает.

Миссис Брэдли помолчала, обдумывая ее слова. Что ж, такое вполне возможно. Парень входит в гостиную, думая стянуть пару печенек, – Джонс рассказывал ей об этом, – и вдруг натывается на хозяина. Попавшаяся под руку кочерга, удар, кровь... Том достаточно силен,

чтобы перетащить тело на диван и придать ему позу спящего или читающего человека, чтобы со стороны могло казаться, будто он жив... Миссис Брэдли нахмурилась и покачала головой.

Миссис Теббаттс снова вцепилась ей в рукав:

– Вы не верите, что Том это сделал? Не верите? О, если бы у меня была хоть какая-то надежда!

Миссис Брэдли собрала губы в клювик и ответила:

– Я абсолютно не верю, что он это сделал. Нервные расстройства, о которых вы говорите, мой конек. Их вполне можно излечить. И Тома я тоже вылечу, если он мне позволит. Да, такой парень, как Том, мог нанести удар, но он не стал бы перетаскивать тело. Лучше скажите мне вот что. Тот случай с укушенным учителем – от кого вы о нем узнали?

– От самого Тома. Он вернулся из школы в ужасном состоянии, признался, что укусил учителя, и спросил, не посадят ли его за это в тюрьму.

– А когда Том бросил молотком в мастера?

– Он пришел домой, расплакался и сообщил, что его уволили с работы и для семьи от него не будет никакого толку, если папа умрет. У него всегда возникали подобные мысли, мадам. Он очень боится, что отец умрет.

– Желание порождает мысли, – пробормотала миссис Брэдли.

– Простите, мадам?

– Пожалуй, мне надо поговорить с Томом. Можно побеседовать с ним наедине? Разумеется, я не стану передавать ему то, что вы мне рассказали.

– Вы действительно не верите, что он это совершил?

– Нет.

– Благослови вас Бог!

Миссис Теббаттс снова расплакалась.

– Выбросьте из головы дурные мысли и соберитесь с силами, – посоветовала миссис Брэдли. – Мне нужна ваша помощь. И вот еще что, миссис Теббаттс: нам совсем не поможет, если вы вспомните нечто такое, чего на самом деле не было. Вы меня понимаете?

– Лгать не в моих привычках, мадам.

– Разумеется, иначе ваши хозяева не доверяли бы вам все эти годы. Я хочу задать один вопрос, который, вероятно, покажется вам немного странным. Можете на него не отвечать. Я не собираюсь ничего у вас выпытывать.

– Вы хотите спросить, действительно ли Том сын своего отца?

Миссис Брэдли улыбнулась.

– Вы уже ответили, – заметила она.

Миссис Теббаттс покачала головой:

– Вовсе нет, мадам. Том – родной сын мистера Теббаттса, но не мой. Мы с мистером Теббаттсом поженились тринадцать лет назад, а Тому в прошлом мае исполнилось шестнадцать. – Она помолчала. – Конечно, Том незаконнорожденный, – добавила она, – но я никогда не пыталась использовать этот факт против его отца. В конце концов, у мужчин есть искушения, которым мы сами, к счастью, не подвержены.

Миссис Брэдли кивнула. С Томом все было ясно. И с миссис Теббаттс тоже. Напуганная его возможной причастностью к убийству, она выложила ей все начистоту. Будь Том ее родным сыном, наверное, она вела бы себя осторожнее.

– Его мать была приличной девушкой, – продолжила миссис Теббаттс. – Скромной и тихой. Не знаю, как она могла попасть в такую скверную историю, но рождение Тома стоило ей жизни. Его отец взял ребенка и перед тем, как мы поженились, рассказал мне правду. У нас не было своих детей, кроме маленькой девочки, умершей во младенчестве, так что Том для нас – божье благословение. Его отец им гордится, и я тоже.

– Итак, миссис Теббаттс, – произнесла миссис Брэдли, – вы говорили, что мистер Миддлтон отправился спать в половине одиннадцатого. Как вы узнали?

– Он позвал из гостиной мужа и сообщил, что уходит. Или это сказал мне Том? Не помню.

– Вы его видели?

– Нет, но муж видел. Если не ошибаюсь... Да, теперь я вспомнила. Я видела, как он поднимался по лестнице.

– Это я и хотела выяснить, миссис Теббаттс. А вы уверены, что именно мистер Миддлтон сказал вам, что собирается идти спать?

Лицо миссис Теббаттс выразило полное недоумение.

– Вы намекаете, мадам, что с нами говорил не он, а его убийца?

– Вовсе нет, – возразила миссис Брэдли со своим пугающим смешком. – Но я думаю, что нам бы очень помогло, если бы мы сумели доказать, что мистер Миддлтон был мертв уже в половине одиннадцатого, а не тридцатью минутами позднее.

– Но чем это нам поможет, мадам?

– Просто в этом случае люди, которые сейчас находятся вне подозрений, могут оказаться в числе подозреваемых. Насколько я знаю, многие из местных вполне могут прошагать полмили за десять минут.

– В газетах это называют алиби, мадам?

– Да.

Миссис Брэдли отправилась искать Тома, улыбаясь, как голодный крокодил. Но с полдороги вернулась и опять обратилась к миссис Теббаттс:

– Вы сказали, что тело осматривал не только Мортмэйн, но и доктор из Стаухолла?

– Да, мадам.

– Отлично, – удовлетворенно кивнула миссис Брэдли.

Глава XIII

«Ради бога, господа, не поймите меня неправильно: я этого не делал».

Томас де Куинси. Убийство как одно из изящных искусств

– Можно обойтись без церемоний? – кисло улыбнулся Том. – Я знаю: мать считает, будто я убил мистера Миддлтона. Но я этого не делал, и плевать мне на вопросы этого инспектора.

– Главное, чтобы не на мои, – спокойно заметила миссис Брэдли. – Есть один момент, от которого зависит многое. Почему мистер Миддлтон снова спустился вниз?

– Если бы я знал! Его целый день не было дома, и вчера тоже, и всю ночь. Вот он и отправился спать пораньше, а потом передумал, надел халат и пошел в гостиную. Очень просто.

– Да, но как-то слишком удобно для убийцы.

– В смысле?

– Ну, если представить, что убийца не знал, где спит мистер Миддлтон...

– Никто этого не знал, кроме отца, мамы и меня.

– А кто бывал у вас в доме после приезда мистера Миддлтона? Разумеется, до его смерти? Том, смотревший на нее с вызывающим и угрюмым видом, задумался над вопросом.

– Если учесть, что формально он жил здесь всего два дня...

– Что значит «формально», дитя мое?

Том усмехнулся:

– Вряд ли теперь это имеет значение, но мама, отец и я обещали никому не рассказывать о том, что он приехал сюда уже пару недель назад. Считалось, что мы просто приводим дом в порядок, а если кто-нибудь появлялся, мистер Миддлтон сразу уходил наверх. Но это случалось редко. Чаще всего приходил почтальон, потом Пэшен, качавший для нас воду насосом, – его присылал мистер Бердси, – и еще раза два старуха, кажется, ее зовут Флюк. Но никто из них не видел мистера Миддлтона, а мы никому не говорили, что он здесь.

– А зачем мистер Миддлтон скрывал, что живет в поместье?

– Объяснял, что у него есть знакомый, собиравшийся уезжать из Англии, и он не хочет, чтобы тот узнал, что теперь он стал богат. Но я, если честно, этому не верю.

– А чему ты веришь, дитя мое?

– Я думаю, он просто хотел выяснить, кто прикончил его брата. Вот чему я верю.

– Почему ты так решил?

– Тут все об этом знают. Кроме того полоумного доктора, который свято верил, будто мистер Хэнли Миддлтон умер от естественных причин. Миссис Корбетт в «Долговязом парне» твердит, что его прикончили, и сестры Харпер и Фиби тоже в это верят.

– Ах да, та парочка во «вдовьем доме». Ну уж они точно знали, что мистер Миддлтон жил в доме две недели, верно?

Том покачал головой:

– Вряд ли. Конечно, они любят совать нос в чужие дела, но я ни разу не слышал, чтобы кто-либо из них говорил о мистере Миддлтоне. Я привез его со станции на нашей старой машине, точно так же, как вожу из города зелень и мясо, потому что маме не нравится, как здесь забивают скотину, хотя я думаю, что везде одно и то же. Никто не мог увидеть его, пока он прятался, а прятался он надежно. Когда мы приехали и я открыл дверь, мистер Миддлтон лежал под задним сиденьем, накрытый старым ковром. Он там чуть не задохнулся, честное слово, затем высунул голову, как пугливый кот, и спросил: «Том, здесь никого нет?» «Только мои мама и папа, сэр», – ответил я. Тогда мистер Миддлтон вылез и пулей метнулся в дверь, а потом взял с нас торжественную клятву, что мы никому не скажем, что он здесь, пока он сам не разрешит. «Где комната, в которой умер мой брат? – спросил он, едва отдышавшись. – Я буду в ней спать. Да, клянусь Богом, я буду спать в ней до тех пор, пока не восторжествует справедливость». Мистер Миддлтон стал заглядывать во все комнаты, пока не нашел ту, где умер его брат, и устроил в ней свою спальню. Это все, что я знаю.

– Нет, Том, далеко не все, – мягко возразила миссис Брэдли.

– Все, что я хотел сказать, – буркнул он.

Миссис Брэдли ткнула его в ребра пальцем, твердым, как железный болт. Парень охнул и отшатнулся в сторону.

– Не надо дурить, малыш, – промолвила снисходительно она. – Ты будешь говорить, если не хочешь, чтобы твоих родителей повесили.

– А что вам нужно? Я рассказал полиции все, что знал. И вообще, какое вам до этого дело?

– Ты всегда таскал печенье из гостиной и уносил к себе?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я этого не делал.

– Не впадай в истерику, Том, – сдержанно попросила миссис Брэдли. Румянец на щеках Тома исчез. Его лицо стало жестким и упрямым. – Если хочешь, я сама скажу тебе, почему. Потому что ты не мог.

– Неужели?

В его голосе прозвучали откровенно оскорбительные нотки, но миссис Брэдли не обратила на них внимания.

– Да, не мог, – повторила она. – Ты ложился спать раньше, чем мистер Миддлтон.

– Вижу, вы много знаете, – усмехнулся он.

– Да. В ночь, когда убили мистера Миддлтона, дверь в гостиную была закрыта.

Вызывающее выражение сразу исчезло с лица Тома. Он побледнел. Миссис Брэдли весело продолжила:

– Поэтому ты решил забраться через окно. К сожалению, в комнате оказался мистер Миддлтон. Ты увидел его через стекло? Было темно – по ночам сейчас жуткая темень, – и ты заметил только его белое лицо на подушке.

Том покрылся потом. Его глаза округлились от страха. Он хрипло выкрикнул:

– Я этого не делал! Я помогал им гнаться за викарием и видел, как он упал с велосипеда, но я никого не убивал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.